

КРОКОДИЛ

№ 32 ● ноябрь ● 1982

ISSN 0130-2671

— Мой Вовочка учится играть на гитаре. Пришлось всю мебель вынести...

Прим. ред. Если ради Вовочкиной супергитары вынесли мебель, это, конечно, сугубо личное дело его родителей. Но вот вырастет такой Вовочка, поднатореет в модных поп-ритмах и станет музицировать так, что хоть святых выноси... О чем и идет речь в фельетоне нашего корреспондента В. Витальева «Под грохот «Тандема» *(см. стр. 8).*

Рисунок
Г. и В. КАРАВАЕВЫХ.

Что с возу упало...

Вл. МИТИН, Г. ТАРАСОВ, специальные корреспонденты Крокодила

ИЗ ГРЕК В ВАРЯГИ

Теперь, когда съедены последние улики, когда тонны вещественных доказательств в лучшем случае стали томат-пастой, получается нечто вроде махания кулаками после драки. Но хотя бы с цифрами в таковых. Ради исследования анатомии потерь.

Замыслилось обозреть весь крестный путь томата из грек в варяги, в данном случае — от камышовых джунглей в дельте Волги до помидорного салата где-нибудь в ее верховьях. Дабы выведать, где наносится овощу наибольший урон. Начинался же путь в Приволжском районе Астраханской области. В колхозе имени Шести павших коммунаров, в бригаде товарища В. П. Кобзарева...

— Скажу честно,— пояснил Василий Павлович,— что терять начинаем на делянке, хотя трудимся, не жалея сил. Ежедневно бригада сдает сорок тонн томатов. Но могли бы собирать и больше, если бы у нас был томатоуборочный комбайн. Только где он? Ау! — В. П. Кобзарев сделал натруженную руку козырьком, словно путник, тревожно вглядывающийся в даль. В этой дали студентки из Ленинграда убирали плоды вручную. Бригадир продолжал: — С помощью комбайна колхоз мог бы собирать более пятидесяти тонн с гектара, а собираем сорок пять...

Так, избрав цифру «сорок пять» исходной отметкой, мы уже навострились к приемному пункту, однако были сдержаны дружеской, но цепкой рукой бригадира.

— Конечно,— сказал он,— это ваш вопрос, а не мой, но я бы поехал туда на грузовике, посмотрел, как и в чем возят томаты...

В. П. Кобзарев резво слетал к сарайчику и принес хилое сооруженьице из планочек и дощечек. С непередаваемой тихой горечью бригадир пояснил, что это ящики для продукции. Из-за них, хрупких, как цветок лотоса, бракуется примерно центнер томатов с каждой машины, то есть по пять тонн томатов с каждого колхозного гектара. Поэтому, трясясь в грузовике к Началовскому заготпункту Приволжской райзаготконторы и будучи под впечатлением от этой цифры, мы уж решили было не придираться к отвратительному состоянию дорог.

— А напрасно,— сказал заведующий пунктом А. М. Лисицкий.— Сейчас вы сами увидите, что делает плохая дорога с овощем.

Как горожанам, имеющим общение с помидорами в основном на обеденном столе, нам было интересно узнать, что томат куда более чувствителен, чем принцесса на горошине. Достаточно раз-другой встряхнуть продукт на приличном ухабе, и томат уже безнадежно травмирован.

— Целостность овоща,— разъяснил тов. Лисицкий,— зависит от трех факторов — председателя колхоза, бригадира и водителя. Я не хочу ябедничать, но всегда ли председатель обеспечивает транспорт с заделанными бортами и боковинками? Следит ли бригадир за сортировкой и укладкой лотков? Если лоток слишком полный, то верхняя помидора лопается под другими лотками. А водители перегружают машину. Для ГАЗ-51 норма — две с половиной тонны, а всаживают туда по три-четыре, чтобы побыстрей закрыть путевые листы... Взгляните на этот автомобиль.

К весам, переваливаясь, словно беременная слониха, подобралась колхозная машина. Да, стремясь лихорадочно повысить тоннаж, водитель с циклопической силой перевязал ящики грубым канатом.

— В итоге,— показывает товаровед Р. Х. Юмаева,— поранены верхние томаты. Теперь им крышка. Они не то что до волжских верховий, до Ахтубинска целыми не доплывут... А при правильной сортировке, когда бурые томаты не смешаны с красными, продукция почти полностью доходит до едока. Вот, посмотрите на эту машину!

И впрямь грузовик из колхоза имени Нариманова настраивал наши перья на дружественную лиричность. Помидорчики — один к одному; ящики уложены и обвязаны бережно и со знанием дела. С такой машины отбраковалось всего килограммов десять.

Машина прошла через весы заготовительного пункта и подъехала к лабазу на выгрузку. Здесь лабаз представляет собой длинное складское помещение со многими въездами. Предприятие это высокомеханизированное, и отрадно, что нет тут блестящих на солнце потных «кули», бегущих с проклятьями по шатким сходням к судну. Здесь действует транспортер: машина — плавсредство. Впрочем, и в этом замечательном предприятии не хватает электролампочек для ночной работы и запчастей к транспортерам...

В тот день загружали несамоходную баржу. На капитанском мостике шкипер Анна Егоровна Тяпкина неукоснительно доглядала за погрузкой.

— Сколько бы ни потеряли на суше,— обреченно сказала шкипер Тяпкина,— все равно в мой корабль войдет только пятьсот тонн томатов. А уж что доедет до получателей...

Анна Егоровна обеспокоенно всмотрелась в небеса, где формировалась внушительная туча. Затем шкиперский взор пал и на вверенное судно. При всей его величавости оно, увы, не было идеально защищено от стихии. А ведь нередко в ожидании буксиров несамостоятельные плавсредства задерживаются у лабазов по двое-трое суток.

— А это что значит? — услышался чей-то знакомый голос. Он принадлежал заведующему пунктом тов. Лисицкому.— Во-первых, задержится погрузка других судов. Во-вторых, продукт натурально портится уже здесь. Заряди нынче ливень, и вода неизбежно просочится в трюмы, резко повысит влажность воздуха...

Анна Егоровна гостеприимно пригласила нас на баржу.

— Нервы у вас крепкие? Даже если тягу пришлют сегодня, то все равно путь к верховьям Волги займет дней двадцать. Баржа — это цельнометаллическая коробка, которую продвигают, как говорится, ступенчатым толкачом. То есть Астраханский порт отвечает за продвижение до Волгоградского. Тот — до Саратова. И так далее. Маневренности никакой, срок доставки — чуть ли не вечность, а пароходства с продвижением барж не спешат...

Тут на заготпункт поступила краткая и достаточно паническая телеграмма от проводников, сопровождавших помидоры на барже М-174 до Перми: «Помогите тчк стоим Волгограде отсутствием тяги тчк»...

Тов. Лисицкий развел руками:

— Что поделаешь? Начнем с того, что количественной и качественной ответственности за принятый груз пароходства не несут. А проводники, нанимаемые нашей потребкооперацией, не могут полностью обеспечить сохранность груза. Поезжайте-ка в Астраханский облрыболовпотребсоюз, который занимается в области заготовкой томатов, и поглядите там на карту великого волжского пути...

Оказалось, что ежегодно этим путем отправляется более семидесяти тысяч тонн томатов, ибо в условиях области транспортировка по воде наиболее рациональна. Но приемные пункты строились в расчете на мелкотоннажные самоходные суда типа СТ и ГТ. Это самый удобный флот. И загружается и плывет он быстро. Однако у Минречфлота РСФСР такого флота всего около ста сорока единиц, то есть мизерное количество, а значительная его часть еще и подлежит списанию по дряхлости. И поэтому подаются под погрузку суда величественные, вроде дредноутов, несамоходные катамараны и баржи... Но такой флот приспособлен для перевозки сыпучих тел, а не помидоров! Трюмы слишком глубоки, да и отсутствие вентиляции губительно сказывается на деликатном овоще. Он задыхается в трюмах. На палубу вышел, сознанья уж нет...

Что же получается в итоге? Живой пример: из каждых пяти помидоров, отправленных на баржах М-174 и М-166 назначением в Пермь и Казань, прибыли туда только четверо. А томаты, ехавшие грузотеплоходами СТ, причалили, можно сказать, атлетически здоровыми, «похудев» всего лишь на восемь процентов...

— Мы, конечно, понимаем трудности Минречфлота,— сказали нам в Астраханском облрыболовпотребсоюзе.— Но уж если подавать многотоннажный флот, то хотя бы снабжать его тентами, люковыми крышками и принудительной вентиляцией...

Мы вышли из почтенного потребсоюзовского здания, кренясь под обилием цифр. За последнюю пятилетку облрыболовпотребсоюз закупил почти 700 000 тонн помидоров. Мы представили себе соответственное количество салатов, борщей, приправ и плодов, съеденных, так сказать, «о натюрель», в голом виде... А сколько не дошло до едока?

Хотя многое из подпорченного было все же использовано, обернулось, скажем, томат-пастой, но, как ни крути, а процентов около двадцати пяти так и прошли мимо рта. То есть из собранных с одного гектара сорока пяти тонн уцелело хорошо если тридцать четыре...

И это тем более досадно, что можно было сохранить много больше. Потому хочется напомнить всем причастным:

— Когда зимой вы будете покупать за гривенник стакан тяжелого, как золото, томатного сока, не забывайте, что это улика бесхозяйственности: кровь мученика-помидора...

Астрахань — Москва.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Все сценки, факты и цифры этого репортажа были записаны авторами, так сказать, с натуры еще в начале сентября. И, конечно, почти полтора месяца, прошедшие с той поры до подписания данного номера журнала в печать, могли внести кое-какие коррективы в эту помидорную историю. Поэтому в последний момент авторы позвонили в Астрахань.

Подошедший к аппарату первый зампред Астраханского облрыболовпотребсоюза тов. А. П. Подосенов рассказал, что нынче дела на помидорном фронте в итоге оказались лучше, чем в году истекшем. Взять, к примеру, массу собранных томатов. На 11 октября она составила 127 тысяч тонн против 80 с небольшим тысяч на эту же дату 1981 года. И сохранность и качество их тоже были много выше.

Да и путешествовали они по водным просторам в более комфортабельных условиях. Благодаря контролю, который осуществлялся Астраханскими обкомом КПСС и облисполкомом, капризным путешественникам было подано на семьдесят единиц флота больше, чем в прошлом. К тому же значительную часть — 237 (по сравнению со 193 в минувшем сезоне) составили удобные для томатов мелкотоннажные суда. Позаботились областные инстанции и о помощи людьми, автомашинами, тарой...

А в Московском море разыскались и следы баржи с ее шкипером А. Е. Тяпкиной. Анна Егоровна сообщила, что ее подопечные доехали в целом благополучно и, вероятно, уже съедены москвичами...

Из всего этого видно, что сберечь для потребителя роскошные плоды астраханской земли вполне возможно. И, надо надеяться, все заинтересованные лица и организации будут считать это своим прямым долгом.

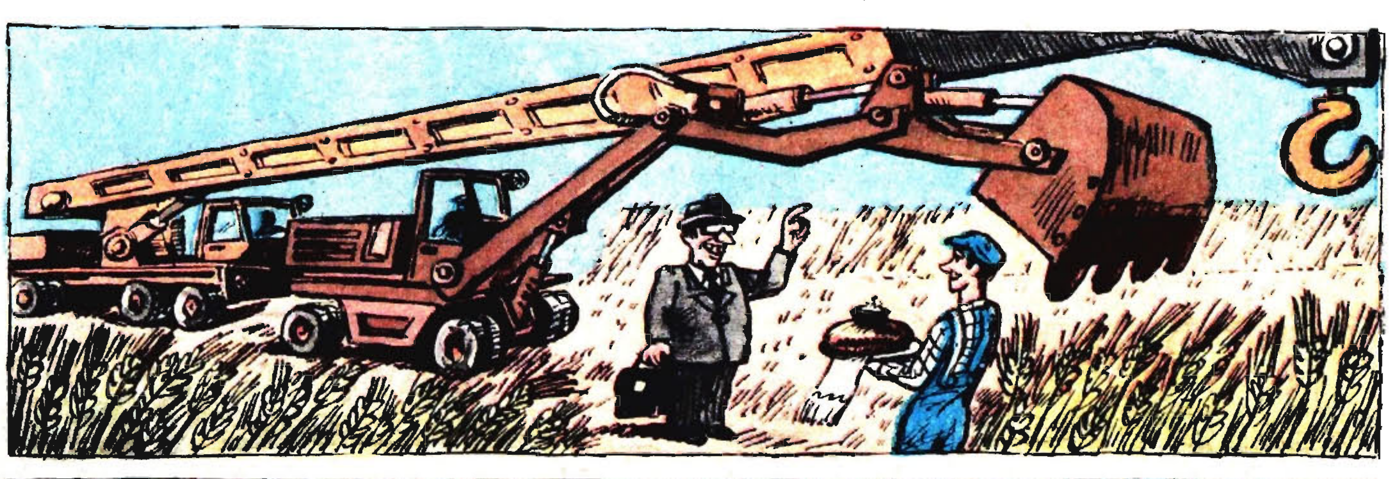
И. НОРИНСКИЙ, специальный изокорреспондент Крокодила

ВЗЯЛ — ПОЛОЖИ!

Этак лет восемь тому назад обратились тульские угледобытчики к хлеборобам со смиренной просьбой:

— Одолжите, братцы, кусочек ваших пашен в Алексинском районе. Там под тучной нивой разнюхан угольный пласт. Мы пробуравим шахту «Никулинскую» и будем выдавать черное золото на-гора́...

— А как же золотое золото, хлебушек то есть? — забеспокоились землепашцы.

— Не извольте сомневаться! — заверили шахтостроители. — Как до уголька доберемся, снова пашню в божеский вид приведем, землицу на прежнее место уложим. Мы знаем — так и по закону положено. И всего-то на три годика!..

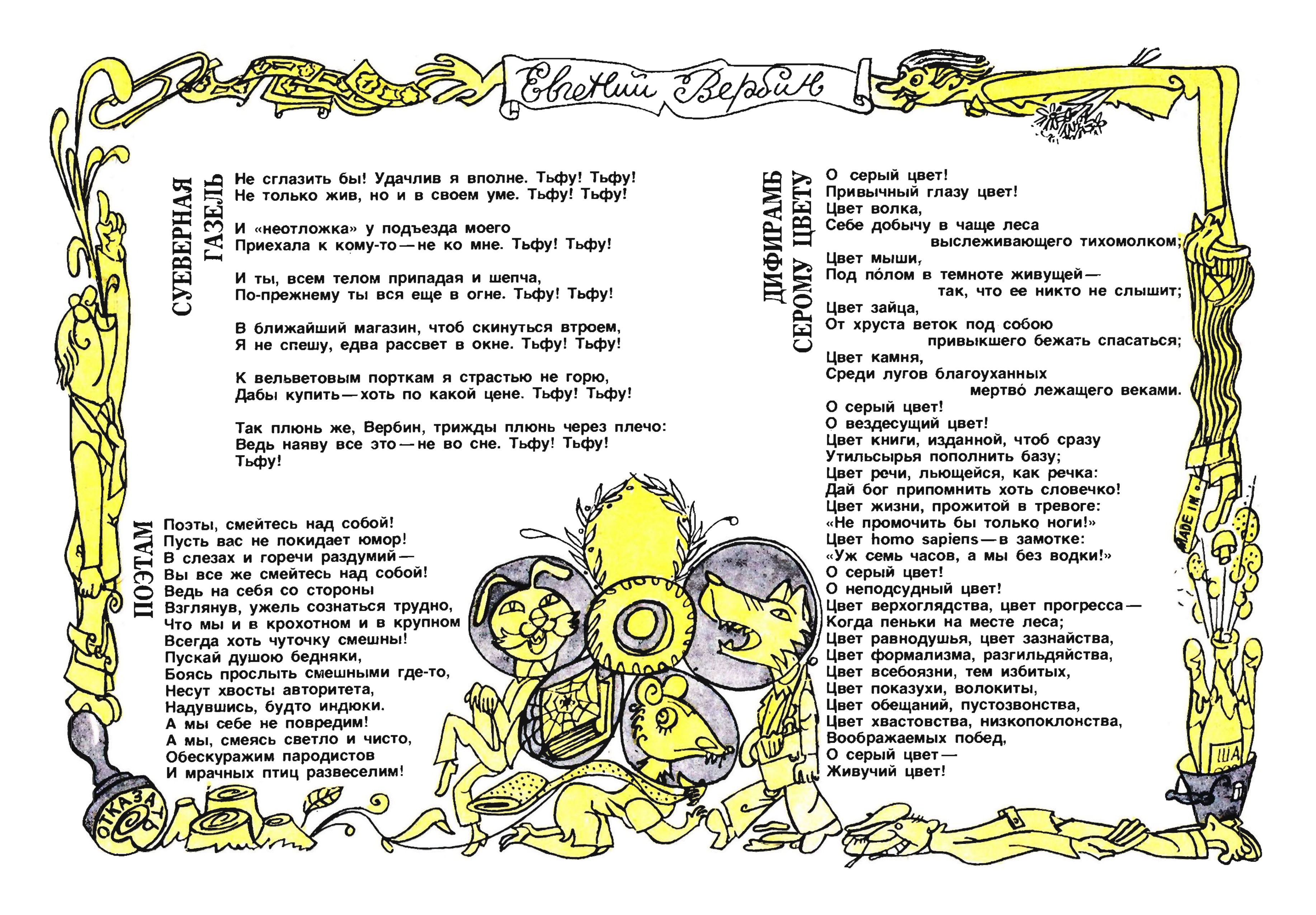
Три годика прошло, и еще три пролетело, и еще... И теперь уж горняки держатся иначе, по-хозяйски. При встрече с хлеборобами только усмехаются:

— Что, что?.. Пора, говорите, землицу возвращать? Да на здоровье! Вон ваш терриконччик плодородной почвы, пользуйтесь. А шахту введем где-нибудь в двенадцатой пятилетке. Обождать придется...

Рисунок В. ЧИЖИКОВА.

ТЯНУТ-ПОТЯНУТ.

СУЕВЕРНАЯ ГАЗЕЛЬ

Не сглазить бы! Удачлив я вполне. Тьфу! Тьфу!
Не только жив, но и в своем уме. Тьфу! Тьфу!

И «неотложка» у подъезда моего
Приехала к кому-то — не ко мне. Тьфу! Тьфу!

И ты, всем телом припадая и шепча,
По-прежнему ты вся еще в огне. Тьфу! Тьфу!

В ближайший магазин, чтоб скинуться втроем,
Я не спешу, едва рассвет в окне. Тьфу! Тьфу!

К вельветовым порткам я страстью не горю,
Дабы купить — хоть по какой цене. Тьфу! Тьфу!

Так плюнь же, Вербин, трижды плюнь через плечо:
Ведь наяву все это — не во сне. Тьфу! Тьфу!
Тьфу!

ПОЭТАМ

Поэты, смейтесь над собой!
Пусть вас не покидает юмор!
В слезах и горечи раздумий —
Вы все же смейтесь над собой!
Ведь на себя со стороны
Взглянув, ужель сознаться трудно,
Что мы и в крохотном и в крупном
Всегда хоть чуточку смешны!
Пускай душою бедняки,
Боясь прослыть смешными где-то,
Несут хвосты авторитета,
Надувшись, будто индюки.
А мы себе не повредим!
А мы, смеясь светло и чисто,
Обескуражим пародистов
И мрачных птиц развеселим!

ДИФИРАМБ СЕРОМУ ЦВЕТУ

О серый цвет!
Привычный глазу цвет!
Цвет волка,
Себе добычу в чаще леса
выслеживающего тихомолком;
Цвет мыши,
Под пóлом в темноте живущей —
так, что ее никто не слышит;
Цвет зайца,
От хруста веток под собою
привыкшего бежать спасаться;
Цвет камня,
Среди лугов благоуханных
мертвó лежащего веками.
О серый цвет!
О вездесущий цвет!
Цвет книги, изданной, чтоб сразу
Утильсырья пополнить базу;
Цвет речи, льющейся, как речка:
Дай бог припомнить хоть словечко!
Цвет жизни, прожитой в тревоге:
«Не промочить бы только ноги!»
Цвет homo sapiens — в замотке:
«Уж семь часов, а мы без водки!»
О серый цвет!
О неподсудный цвет!
Цвет верхоглядства, цвет прогресса —
Когда пеньки на месте леса;
Цвет равнодушья, цвет зазнайства,
Цвет формализма, разгильдяйства,
Цвет всебоязни, тем избитых,
Цвет показухи, волокиты,
Цвет обещаний, пустозвонства,
Цвет хвастовства, низкопоклонства,
Воображаемых побед,
О серый цвет —
Живучий цвет!

Петр РЕЧКИН

ПОЗДРАВИЛИ

Рассказ

Хмурое утро брызгало в стекла слезами дождя, а с нижнего этажа назойливо визжала пластинка: «То ли еще будет... То ли еще будет! Ой-ёй-ёй!» Однако ни то, ни другое не мешало хозяевам изысканно сервировать столы. Пронзительно аппетитный аромат блюд состязался с разноцветьем бутылочных этикеток. Настроение у домочадцев было более чем приподнятое. Да и как ему быть иным, если в дом пришел славный юбилей: главе семьи стукнуло шестьдесят!

Когда настенные часы мелодично отсчитали двенадцать «ку-ку», в квартиру цепочкой потянулись гости. Тут были и старые друзья юбиляра и его сослуживцы. Всех их радушно встречал сияющий лысиной виновник торжества Лев Эчаныч. А его златозубая половина, радостно улыбаясь, усаживала приглашенных за пиршественный стол...

И вот уж загремели в честь юбиляра здравицы. Первым выступил с полным фужером в руке ветеран конторы, приятель Эчаныча кассир Онтон Кузьмич.

— Пролетают наши лета,— невесело вздохнул Онтон Кузьмич.— Вот гляжу я на нашу цветущую секретаршу Лилию и невольно, так сказать, сопоставляю ее с — увы и ах! — уже отцветшим, если можно так выразиться, почти увядшим дорогим моим другом Левой, некогда бывшим настоящим львом. Ох, эти подглазные мешочки, борозды морщин... буря времени, образно говоря, с корнем вырвала знаменитую когда-то каштановую шевелюру и намела на ее место снегу... Наступила зима такой же короткой, как моргновение ока, человеческой жизни. И все же, друзья, выпьем не за упокой, а, если можно так выразиться, во здравие моего друга, навсегда покидающего нас коллеги. Прощай и здравствуй, Эчаныч...

После первого тоста лицо Льва Эчаныча несколько потускнело, но гости дружно и организованно осушили бокалы и совсем этого не заметили.

Васса Афанасьевна — касса взаимопомощи,— окинув сидящих ехидно-панихидным взглядом, начала стихами:

— И хором бабушки твердят: «Как наши годы-то летят!». Конечно, годы оставили неизгладимый след на облике нашего уважаемого провожаемого. А разве таким я его помню! Как он, бывало, махом переплывал Волгу! А как забивал головой гол в ворота противника! Не утаю и то, что волновал он наш женский пол... А вот на днях смотрю: стоит, бедняга, на лестнице второго этажа — одышка. Укатали нашего сивку крутые горки. Сгорбился он, стал странно рассеян, склерозно забывчив... Да и то сказать: сколько он за сорок лет бумажных гор перевернул! Сутками Эчаныч из конторы не выходил, терпеливо просиживал над исходящими и входящими!.. Можно смело сказать: наш коллега сполна отдал жизнь... — Васса Афанасьевна вытерла платком глаза,— общему делу... Но я думаю, что выражу мнение всей конторы, если скажу так: умирать никому не хочется. И пусть наш дорогой Лев Эчаныч живет столько, сколько протянет...

Все гости еще дружнее выпили и организованней закусили. И вновь не заметили, что лицо юбиляра совсем увяло.

Затем не по годам задорно вскочил уже вышедший на заслуженный отдых чтец-декламатор из филармонии:

Он стар, он удручен годами...
Но чувства в нем кипят — и вновь
Эчаныч ведает любовь!.. —

пафосно жестикулируя, продекламировал он, но тут же был осажен бдительной юбиляровой тещей:

— Не из той оперы! Эчаныч — порядочный семьянин и верный супруг. И никаких любовниц он не отведывает!..

От взрыва смеха на столе зазвенели фужеры — казалось, они тоже засмеялись. А вконец побледневший виновник пиршества блуждающим взглядом смотрел куда-то вдаль. Вероятно, в свои далекие цветущие годы... И вдруг, как бы оттуда, из того золотого далека, в гостиную влетел паренек в матроске — почтальон Чопай:

— Срочная телеграмма!

Черноволосая секретарша начальника конторы игриво потянулась за телеграммой.

— От дочери! — зазвенел ее бронзовый голосок.— «Дорогой папочка поздравляю юбилеем умоляю не забывай своих недугах милый папуля береги себя ни капли спиртного...»

На бледном лбу юбиляра выступил холодный пот. Сидевший рядом старый фельдшер Омылькан Екманыч тоже произнес здравицу:

— Зная лучше других состояние здоровья моего дорогого пациента, не перестаю удивляться его исключительной, редкостной выносливости и терпению. Я не стану за недостатком времени перечислять все недуги моего старого друга, а скажу только, что и одного из них достаточно для приобретения путевки, если можно так выразиться, в антимир. Отдадим же должное железной стойкости против многих опасных хворей, которыми поражен наш юбиляр. Другой бы на его месте, между нами говоря, давно уже дал дуба. А он держится, как могучий дуб... А глянули б вы на рентгеноснимки его селезенки или диафрагмы — ахнули бы! Скажите, любезный мой пациент,— улыбнулся эскулап,— дает ли себя временами знать искусственность вашей двенадцатиперстной кишки?

— А то как же...— мрачно выдавил пациент. И его лицо словно бы окаменело. А разгоряченный оратор знай себе упивался:

— И пусть многие лета с той же стоической стойкостью — всем смертям назло! — превозмогает мой друг недуги, которые...

— О-о-ох,— простонал юбиляр и бессильно откинулся на спинку кресла.

После мгновенного замешательства гости бережно и нежно подхватили «могучий организм» и унесли в спальню...

Перевел с марийского
Иван ЗАКОНОВ.

Центр по изучению сверхновых проблем моховедения буксовал. От учреждения, набитого современными приборами и аппаратурой, в течение долгого времени не поступало открытий и разработок, которых ждали заинтересованные министерства и ведомства. Идеи не возникали, опыты не давали результатов, вопросы не получали ответов.

Обеспокоенный директор Центра доктор наук и непременный участник международных симпозиумов В. П. Проничкин призвал на помощь коллег из Центра универсальных социологических исследований. Дело происходило в восьмидесятых годах XX столетия, обошлось без бумажной волокиты, по одному звонку. Социологи, душевный народ, откликнулись с охотой и вскоре прибыли к Проничкину с проектом анкеты на сорок четыре пункта. С помощью анкетирования и обработки материалов на вычислительных машинах предстояло установить причины творческого застоя и наметить пути ренессанса, то есть, проще говоря, подъема моховедения.

Учитывая значимость предстоящего разговора, директор вызвал к себе заместителей по научной части и по кадрам. Началось совещание.

Вопросник, предложенный социологами, осмыслялся с трудом. Пункты вроде: «В чьем окружении Вы предпочитаете работать — в мужском, женском или наедине с собой?», или «Все ли в порядке у Вас дома?», или «Предпочитаемые Вами цвета интерьера?» — составителям пришлось разъяснять с присущей их профессии скрупулезностью.

Взять хотя бы роль цвета. Если сотрудник работает на стенде, установленном на фоне мрачной коричневой стены, через полчаса жизнь ему начинает казаться подобием этого унылого фона, и эффективность труда неминуемо падает. Администрация, обнаружив это, навешивает на стену декоративную композицию в жизнерадостных желто-голубых тонах, напоминающих морской пляж. И что же? Вопреки ожиданиям трудовые показатели не стремятся вверх. Пестрота красок отвлекает сотрудника, он уже в иной сфере, мечтает об иных материях и охладевает к поставленной задаче. Таким образом, резюмировали социологи, роль цвета переоценить трудно. Всякий раз надобно подобрать единственно верный вариант: цвет должен стимулировать, но не отвлекать, успокаивать, но не тянуть ко сну, внушать оптимизм, но не превращать работника в несерьезного бодрячка...

На третьем часу совещания дверь директорского кабинета открылась, и на ковровую дорожку вступила гардеробщица тетя Нина. «Очень вовремя»,— подумал Проничкин: он был утомлен новизной вопроса и жаждал паузы.

— Здравствуйте, товарищи! — бодро произнесла она, степенно приблизилась к столу Проничкина и, протягивая ему лист бумаги, сказала:

— Уж извините, Валентин Павлович, но и вас пришлось побеспокоить, от кадров мне одни отказы идут...

— Ради бога, ради бога! — воскликнул Проничкин, подал ей стул и, попросив извинения у социологов, приготовился слушать незваную посетительницу.

— Прошу перевести в уборщицы по собственному желанию.

— А у нас вы, простите, кем?

— В гардеробе я, левая сторона.

— Левая сторона... Так, так. А почему, собственно, решили уйти? Что вас не устраивает?

— Носить тяжело, Валентин Павлович. Мне ведь шестьдесят пятый. А здесь целыми днями взад-вперед, взад-вперед. Никакой передышки...

— Это почему же взад-вперед? — изумился заместитель по кадрам.

— А как же,— удивилась, в свою очередь, тетя Нина.— Некоторые сотрудники не успеют в кабинет зайти, как тотчас обратно. Мало ли какие дела находятся. У нас — промтовары, химчистка рядом, в молочную творог привозят отличный... Я вот тут таблицу приложила за двадцать первое число. Взгляните, если нетрудно. Пятеро выходили за день по четыре раза, пятнадцать номеров по три раза, а сорок по два... Ну и так далее.

Юрий МАРТЫНОВ

Рассказ

СОВЕЩАТЕЛЬНЫЙ ГОЛОС

— Интересно, интересно! — Проничкин придвинул таблицу поближе.

— Так сколько же у нас получается выходов в неположенное время? — попросил уточнить заместитель по научной части.

— Вы уж сами посчитайте,— обиделась тетя Нина, будто ее упрекнули в недоработке.

— А посчитать нетрудно! — оживился Проничкин и погрузился в цифры.— У меня получилось двести сорок два!

— Некоторые, вероятно, в счет обеда,— попытался подрессорить результат заместитель по кадрам.

— Не понимаю,— возразил директор.— А в столовую когда? В Центре неплохая столовая. Надеюсь, голодом себя наши товарищи не морят...

Возникла пауза.

— В Центре два гардероба,— продолжал Проничкин.— Если помножить результаты, кои мы имеем здесь, на два, выходит... Число впечатляющее — 484! Предположим, каждый покинувший пределы Центра товарищ отсутствует в среднем один час. 484 рабочих часа. У нас, если память мне не изменяет, восьмичасовой рабочий день. Делим на восемь, и выходит, что, по самым радужным подсчетам, более шестидесяти человек, или каждый пятый, ежедневно выключаются из деятельности Центра! Поистине впечатляющее! Я поздравляю нашу коллегу из гардероба! Это на грани открытия, не правда ли, товарищи?

Возникла продолжительная пауза.

— Нужна авторитетная проверка,— прервал молчание заместитель по кадрам.— Кроме того, хотелось бы знать мнение наших гостей.

— Гм... Названные цифры, безусловно, заслуживают интереса, но концептуально... Я позволил бы себе напомнить вам о концепции предложенных исследований. Психологический настрой коллектива, как известно, есть совокупность индивидуальных состояний...

Опасаясь, что за серьезным разговором забудут про резолюцию насчет перевода на другую должность, тетя Нина встала и бесшумно, но решительно придвинулась к Проничкину.

— Извиняюсь, Валентин Павлович, а резолюция мне будет?

— Конечно, конечно! — сказал директор.— Против вашей аргументации возразить трудно.

Тетя Нина степенно, как и вошла, удалилась с заявлением в руке.

Заседание продолжалось...

— Так вы говорите, что хлопчатобумажных носков нет?..

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

О ЖЕНСКОЙ ВЕРНОСТИ

У американской администрации появились все основания горестно воскликнуть: «Вот она, женская верность!» Как выяснил дотошный институт Гэллапа, деятельность администрации одобряют всего лишь 38% женщин. Американки явно разочаровались в обитателях Белого дома. Всего полтора года назад они находили команду Рейгана куда привлекательнее.

Беда, конечно, не в женской ветрености, а в недостатках самой администрации.

Может, красноречие не то или манеры подвели руководящих вашингтонских мужчин? Специалисты по «имеджу» отвергнули такие предположения. Речи для администрации сочиняются весьма старательно, а пресс-конференции с некоторых пор репетируются чуть ли не до сотого вопроса.

И с женщинами она вроде бы умеет себя вести, хотя и без особой грации, но достаточно осторожно и расчетливо. Когда надо, администрация может быть исключительно заботливой. Так, она изо всех сил старается оградить слабый пол от мирской суеты. Как отметила редактор журнала «Трудящиеся женщины» Кейт Ллойд, правые политики считают, что женщина должна вернуться домой и сидеть там, не помышляя о работе (и соответственно, зарплате).

Зная, что женщины уважают силу, Белый дом умело демонстрирует мужской характер. Так, например, он твердо и решительно отказался помочь американкам внести в конституцию поправку о предоставлении им равных прав с мужчинами. В конце концов не женское это дело зарабатывать наравне с сильным полом, хватит и тех 59 процентов от заработка мужчин, что они получают при равном труде и одинаковой квалификации. А если страховые компании страхуют женщин на меньшую сумму, нежели мужчин, то, значит, рыночная цена женской жизни ниже мужской. И ничего тут не поделаешь — экономика, леди!

Помимо всего этого, администрация пытается воздействовать на дам с ловкостью неотразимого ловеласа. Она умело пустила в ход веками провеенную триаду — клятвы, обещания, угрозы. Администрация клянется в любви к миру, обещает вывести экономику из кризиса и пугает советской угрозой.

Но, несмотря на все старания, американки не поддаются чарам Белого дома.

В таком положении администрации, судя по всему, остается только одно — при очередном опросе честно и открыто задать американкам вопрос: за что они вообще-то любят мужчин?

И наверное, тут бы выяснилось, что, как и большинство женщин, американки любят не столько за изящные манеры и красноречие, сколько за чувство покоя и уверенности, которое способны им дать мужчины.

Но именно этого Белый дом и не может дать. Как показывают опросы, американок пугает развязанная правительством гонка вооружений, жесткая внешняя политика, они не верят в обещанное экономическое процветание.

Да, неуютно чувствуют себя американские женщины за спиной Белого дома. Зато Пентагон, получив по бюджету на свои «безделушки» четверть триллиона долларов, расцвел, как невеста.

В. ГОРБАЧЕВ.

РАДИОВЕЩАНИЕ НА ЯЗЫКЕ ЦРУ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

В репертуаре американских пропагандистов есть коронный номер — сказка о «сужении пропасти между богатыми и бедными». Апологеты американского образа жизни рисуют миру картину страны с равными возможностями, где богатого от бедного отделяет всего один шаг.

Но вот в одном из последних номеров журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» приведены заработки некоторых капитанов большого бизнеса. Возглавляет список некий Дэвид Тендлер, председатель правления корпорации «Фибро». Его годовая

КОМУ В США ЖИТЬ ХОРОШО

зарплата равна 2668500 долларам, то есть 7310 долларам в день, более 300 долларов в час.

Мы не знакомы со взглядами мистера Тендлера на американскую демократию, но какое-то внутреннее чувство говорит нам, что скорее всего она его вполне устраивает. Вполне устраивают его и равные возможности. Мистер Тендлер наверняка патриот. Патриотизм его зиждется на прочной основе: 300 долларов в час — солидный фундамент. Причем не только за час управления корпорацией, но и за час сна. Мистер Тендлер спит, а счетчик продолжает отщелкивать по 5 долларов в минуту, укрепляя даже у спящего уверенность в том, что демократия в США действует. А уж о бодрствовании и говорить не приходится. Побрился, например, извольте получить 25 долларов. Умылся — еще столько же. Прочел утренние газеты — долларов триста — четыреста нащелкало. Невольно хочется спеть гимн.

Мистер Тендлер — не какой-нибудь экономический монстр, не музейный уникум. Например, мистер Стивен Дж. Росс, председатель правления компании «Уорнер комьюникейшн», получает чуть меньше двух миллионов в год, а господа Уорнер и Гарвин, председатели правлений двух нефтяных гигантов — «Мобил» и «Экссон», кладут себе в карман по полтора миллиона долларов в год. Только в виде зарплаты. Последнее немаловажно, потому что по замечанию этого же журнала «доход многих руководителей компаний в десять раз выше, чем их зарплаты и премии. Они получают различные дополнительные блага в виде специальных цен на акции, которые мы не учитывали в нашем списке».

Правда, картину общества всеобщего благоденствия несколько портят одиннадцать миллионов безработных, у которых финансовый счетчик крутится в обратную сторону. Да и то недолго, потому что на пособие по безработице и года не продержишься.

Но что им мешает, этим неловким бедолагам, стать председателями правления корпорации «Фибро»? Или на худой конец «Уорнер комьюникейшн»?

З. Ю.

ИЗРАИЛЬСКИЙ РАЗБОЙ В ЛИВАНЕ

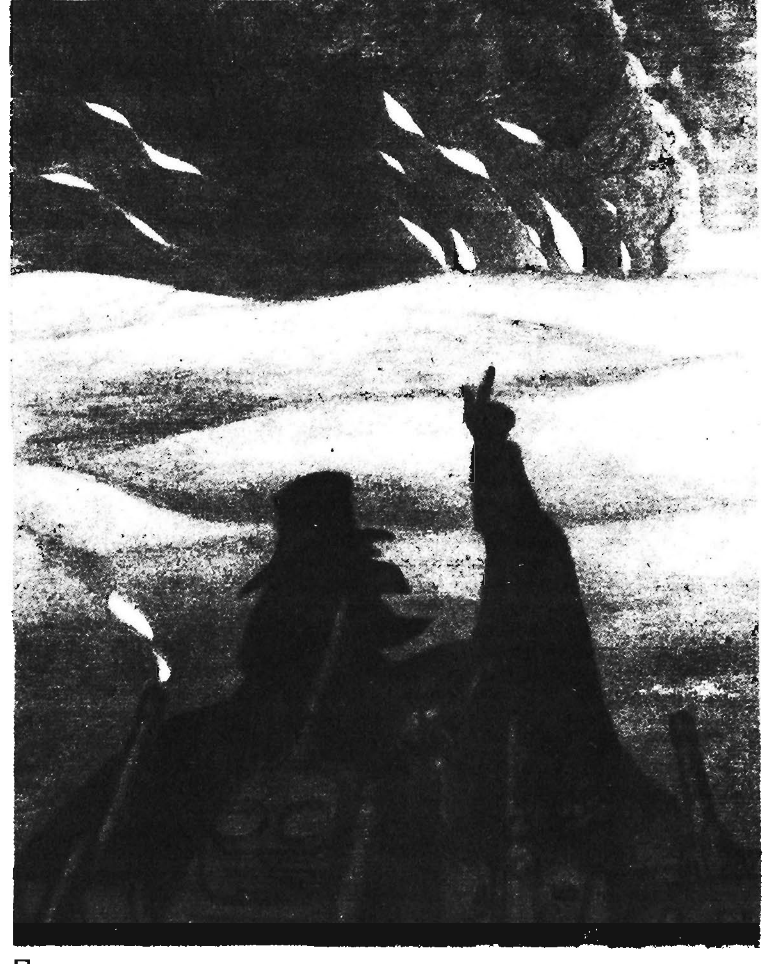
ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННЫХ КАРИКАТУРИСТОВ

V — их VETO.

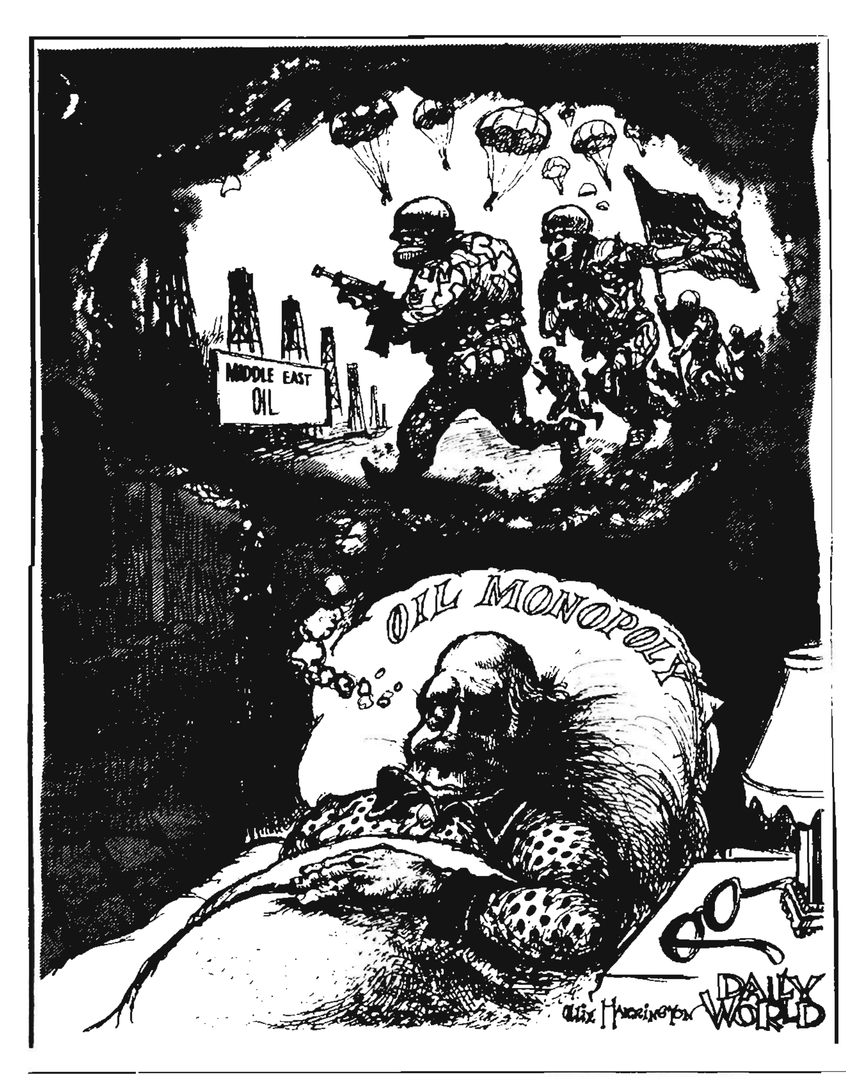
Пользуясь своим правом вето в Совете Безопасности, США систематически мешают ООН принять действенные меры против израильских агрессоров.

Рисунок Хорста ШРАДЕ (ГДР).

Под сенью дяди Сэма.

Рис. Хайнца БЕЛИНГА (ГДР).

Золотые сны нефтяного монополиста (надпись на нефтяных вышках: «Ближневосточная нефть»).

Рисунок Оливера ХАРРИНГТОНА (США).

— Чтобы избежать массовых жестокостей, будем уничтожать арабские страны поочередно, одну за другой.

Рисунок КАРАНДАША (Болгария).

Бор. ЮДИН

ЗАГРОБНАЯ ПОЧТА

Письмо нью-йоркского почтальона Джимми Смита министру обороны США г-ну Уайнбергеру

Под руководством Пентагона почтовое ведомство США разработало инструкцию о доставке почты в отдаленные районы страны после атомной войны.

Узнал я, сэр, что разработан точно
(Инструкции во всех делах важны)
Подробный план того, что будет с почтой
По окончаньи ядерной войны.
Все это выглядит нелепо, глупо, скверно,
Но грустно и смешно не только мне:
И весь Нью-Йорк смеялся бы, наверно,
Когда бы не мурашки по спине.

Простите, сэр, но я не понимаю
(Допустим, чудом я и не умру),—
Где будут ящики, откуда вынимают
Газеты, что ношу я поутру?
Где уготовано кому какое место?
Я точный адрес разыскать бы рад,
Но кто куда попал — ведь неизвестно:
Вот вы, возможно, в рай, а я, допустим, в ад...
И, укрепляя дружеские узы,
Кто будет письма слать в кромешной мгле?
Кто? В море — уцелевшие медузы?

В пустынях — змеи? Червяки — в земле?
Но гибель ждет и вас со всеми вместе —
И вы напрасно, сэр, убеждены,
Что вам удастся избежать возмездья
За гранью «ограниченной» войны.
Боюсь, что не смогу исполнить долга,
Хотя инструкцией такой по горло сыт.
Об авторах ее пословица гласит:
«Уж если кто-то глуп, то глуп надолго».
Примите уверенья...

Джимми Смит.

Таланты и поклонники

В. ВИТАЛЬЕВ,
специальный корреспондент
Крокодила

ПОД ГРОХОТ «ТАНДЕМА»

Был я недавно в Рязани и наткнулся на афишу: сегодня в концертном зале имени Есенина выступает рок-группа «Тандем».

...У входа в зал толпился народ, и я сразу почувствовал себя стариком, поскольку средний возраст толпы не превышел 18 лет. Преобладали в ней девушки, одетые с изысканной джинсово-вельветовой небрежностью. Я протиснулся к окошечку администратора и занял очередь за высоким бородачом.

— Я от волка! — сказал бородач, склонившись к окошку, и тут же получил пропуск.

— А я от... зайца,— брякнул я наудачу, когда настал мой черед.

— Шутник! — улыбнулся администратор и выдал мне пропуск.

Поражаясь своей находчивости, я отошел в сторону, внимательно прочитал афишу и понял секрет своего успеха. Афиша гласила:

Министерство культуры
Чечено-Ингушской АССР
ГРУППА «ТАНДЕМ»
Музыкальный руководитель
Юрий Спицын
Конферансье
Гарри Волк

Зал был переполнен. Рядом со мной уселся молодой энергичный толстяк. На сцене стояла аппаратура ансамбля, сплошь покрытая иностранными «лейблами». «Бинсон... Муг продиджи... Вокс»,— вслух прочитал толстяк и добавил благоговейно: «Фирма́...» С этими словами он вложил два пальца в рот и разразился оглушительным свистом. Одна из «вельветовых» девушек на галерке последовала его примеру, и вскорости свистел уже весь зал.

На сцену вышел конферансье.

— Здравствуйте! — сказал он.— Спасибо за свист, в котором виден ваш восторг по поводу моего появления.

Свист усилился. «Давай музыку!» — кричали в зале.

Но Гарри Волк не торопился. Пристально уставившись на моего свистуна-соседа, он произнес: «Девушка, почему у вас такие грустные глаза? Посмотрите на меня: молодой, неженатый...» Тут конферансье прищурился, сделал удивленную мину и продолжил: «Ох, простите, молодой человек, но у вас такие волосы...— он ткнул пальцем в зал,— почти как у той брюнетки, которая свою головку явно купила в комиссионке...»

— Во дает! — ничуть не смутившись, возопил толстяк и захлопал в ладоши.

...С начала концерта прошло полчаса. «Тандемом» и не пахло. Конферансье, как видно, почувствовал всеобщее нетерпение и начал закругляться.

— Мы все любим петь,— сказал он.— Днем поем для себя, вечером — для любимой, ночью — назло соседям.— И, перекрывая взрыв хохота, вызванного его словами, добавил торжествующе: — А сейчас для всех вас поет группа «Тандем»!

На сцене замелькал свет, и на нее трусцой выбежали семеро молодых людей, одетых в кальсонного типа брюки и розовые ковбойки с надписью «Falman». У одного из солистов на шее болтался судейский свисток.

Первая песня была короткой. «Тан-дем!!! — грохотал ансамбль.— Тан-дем!!!» Потом шел музыкальный проигрыш, и снова «Тан-дем!!! Тан-дем!!!»

С толстяком творилось невообразимое: он размахивал руками, раскачивался в кресле и, пришлепывая губами, повторял за музыкантами незатейливые слова: «Тан-дем!!!Тан-дем!!!»

Наконец артисты перестали громыхать и, на ходу перестроившись, заиграли нечто медленное и лирическое. «А жизнь идет, а жизнь идет, и каждый час, и каждый год не повторится, не вернется никогда-а-а!» — выводили они, откровенно грустя. В паузах солист подносил к губам свисток и издавал меланхолические трели.

Потом опять был грохот, визг, вой. Микрофон от напряжения то и дело взрывался механическим писком.

— Фонит...— со знанием дела пояснил толстяк. Но мне уже было все равно. Казалось, что в голове у меня лежит горячий кирпич, который с каждым новым аккордом прибавляет по килограмму веса. Поэтому я даже обрадовался, когда минут через десять на сцене вновь появился Гарри Волк.

— Песни бывают разные,— витийствовал он,— лирические и трагические. Трагические сводятся к следующему: я тебя люблю, ты меня любишь, и это на всю жизнь. А чего вы смеетесь? Знаете, сколько сейчас разводов? Страшное дело! Причем в Прибалтике разводов больше, чем в Крыму. Оно и понятно: чем холодней — тем чаще распадаются семьи. А все потому, что не могут решить, кому быть в семье хозяином. Вот вы как считаете? Кто главный?

— Муж! Жена! — закричали из зала.

— Теща! — радостно воскликнул толстяк.

Гарри Волк отмахнулся от реплики толстяка натренированным жестом.

— Счастливчик...— процедил он.— Мне бы такую тещу, так я бы давно уже женился.

Затем конферансье наметил в зале очередную жертву и сказал: «Посмотрите: платье у нее французское, а фигура наша — квадратно-гнездовая. Вы в Рязани такие фигуры хорошо знаете». Тут же он вспомнил свою жену (которой, как он только что заверял, у него не было) и конфиденциально сообщил, что она за последнее время «так похудела, что в ванне в дырочку проваливается».

Остаток концерта помню смутно. При исполнении песни в стиле «ретро» ансамбль применил «оживляж»: органист надел женскую косынку, а человек со свистком уселся на колени бас-гитариста. А под занавес прозвучала песня о Юрмале. В трактовке «Тандема» она, как близнец, походила на песню, которой ансамбль открыл свой концерт, только вместо «Тандем!» артисты скандировали «Юр-ма-ла!!!» При этом они хлопали в ладоши, призывая зрителей петь вместе с ними. Но зрители поникли в креслах под грузом полученных децибелов и не поддержали этого призыва...

Выйдя на улицу, я констатировал, что концерт длился чуть больше часа. Мне же казалось, что прошла целая вечность...

Тишина вечернего города оглушила меня. По мостовым бесшумно катили троллейбусы. Навстречу мне шли «квадратно-гнездовые» девушки, гордо неся свои «купленные в комиссионке головы». «Сполна оценит тишину лишь тот, кто знает грохот боя...» — грустно подумал я и вдруг неожиданно для себя замурлыкал: «Юр-ма-ла... Юр-мала...»

г. Рязань.

Рисунок А. ПАНАСЕНКО, г. Белгород.

Б. САЛМАНОВ

КРИТИК

Рассказ

Был у меня сосед — литературный критик. Так его обычно все и звали — Критик.

Один раз приходит Критик ко мне домой и спрашивает:

— Слушай, ты бы не мог стишки какие-нибудь написать?

Я подумал немного:

— Какие-нибудь смог бы, а зачем?

— Напиши, будь другом. Я протолкну, чтоб напечатали, а потом раскритикую.

Я засмеялся:

— Тебе что, критиковать некого? Вон поэтов всяких развелось — пруд пруди.

Критик вздохнул:

— Ну, какая тебе разница? Обижаются люди, когда их критикуют. А ты вроде свой человек, сосед. Тебе ведь до фонаря вся эта критика?

Я подтвердил, что до фонаря.

— Вот и напиши, будь другом. Я же критикну сплеча, развернусь вовсю. А то, понимаешь, пишешь и оглядываешься, как бы не задеть кого — такие все обидчивые стали!.. Из-за этого качество критики страдает, беззубая, говорят, она у меня.

Ну, мне разве жалко — написал я стихи, отнес Критику. Посмотрел он, поправил там кое-что.

— Годится,— говорит,— следи за печатью.

И точно — через месяц появляются мои стихи в одном журнале. Я даже глазам своим не поверил. Между прочим, и смотрятся-то они совсем по-другому — солиднее будто. Вроде и не глупо, в общем, и смысл есть какой-то, если покопаться. Жена смотрит на меня по-новому, знакомые поздравляют.

— Молодец,— говорят.— Вот уж от кого не ожидали! И штукатур неплохой и, на́ тебе, поэзию освоил...

Да я и сам вижу, что поэзия — вещь не такая уж пустяковая, раз ее люди уважают.

Но вот в самое мое торжество вылезает Критик со своей статьей. Как он разнес меня, господи! И безграмотно-то, мол, и бессмысленно, и рифма не та, и размера какого-то там еще нету... Опозорил на всю страну!

Врываюсь к нему с его статьей весь в ярости:

— Ты что же делаешь?! Ведь сам эти стихи проверял и подправлял и меня же за них высек всенародно!

Критик посмотрел на меня печально поверх очков, вздохнул:

— Мы ведь с тобой договаривались, ты что, забыл?

Тут я вспомнил наш уговор, и злость моя сразу вышла.

— Ладно,— говорю ему уже спокойно,— беру свои ругательства назад. Слава у меня всю память отшибла.

Мужик он, в общем, не вредный, разъяснил мне что к чему, про размер этот рассказал — там дело-то простое оказалось. Разобрались мы, словом, и он говорит мне:

— Ну, продолжай, пиши еще.

Написал я еще, напечатали. Как и в первый раз, Критик разнес мое художество вдребезги. В конце, правда, добавил, что сдвиги кое-какие имеются, техника будто бы улучшилась...

Чудно́й мужик! При чем тут техника, я про нее даже слова не написал.

И тут появляется со своей статьей еще один критик и нападает на моего Критика, что будто бы тот преследует начинающего, топит его вместо того, чтобы подать руку помощи. Мой Критик резко ответил, в спор ввязались другие критики, началась, как у них называется, полемика. И все это из-за меня!

Так я стал известным поэтом. Одни говорили, что я поэт, но спорный, другие — что бесспорно не поэт, третьи определили меня зачинателем нового течения, которое они назвали «поэтическим примитивизмом». Название, между прочим, могли бы и получше придумать, сразу видно, не для себя старались. Ну, да ладно, я человек простой, необидчивый.

А вот на работе на меня стала гроза надвигаться. Когда в голове одни размеры да рифмы, тут штукатурное дело ущерб терпит. Однако многие в нашем СМУ дальше штукатурки не смотрят. Накануне производственного собрания захожу я к моему Критику:

— Слушай, у нас собрание завтра будет. Наши ребята, я чувствую, серьезно взяться за меня собираются. Надо бы тебе заступиться: человек, мол, с головой в искусство ушел, не до штукатурки ему вашей теперь...

Критик удивился, сказал, что он вообще-то не по этой части — не заступаться, а как раз наоборот. Но уж раз я из-за него в такое положение попал, то помочь соседу нужно.

Пошли мы на собрание вдвоем. Нет, не обмануло меня предчувствие: все на меня так и навалились. Будто штукатурю неровно да некачественно. Один встает и говорит:

— А что ему до штукатурки? Он ведь у нас теперь поэт, примитивист!

Другой добавляет:

— Правильно! Примитивист он и есть! Стихи у него, как штукатурка, а штукатурка, как стихи, и там и здесь — один брак. С техникой что там, что здесь плохо обращается. На всю страну наше СМУ примитивизмом своим опозорил.

И пошло, и поехало... Одним словом, ребята меня по-простому, по-рабочему так отделали — куда там Критику!

Я его коленкой толкаю незаметно: что молчишь, мол, начинай заступаться, пора. А он только головой мотает и авторучкой в блокнотике строчит, выражения записывает. Для себя, значит, только и старается.

После собрания я говорю ему:

— Вот что, Критик, ты как хочешь, а я поэзией больше не занимаюсь. Обидно — там и здесь меня ругают, а заступиться некому. Получается, будто я хуже всех...

— Значит, уходишь,— грустно отвечает мне он,— в спокойную гавань? А примитивизм твой как же? Ты все-таки наш главный примитивист.

— За поэзию я спокоен,— говорю.— Примитивисты приходят и уходят, а примитивизм остается...

Короче, расстались мы с ним по-хорошему. И вышло так, что собрание нам обоим на пользу пошло — я со всей силой налег на штукатурное ремесло, и скоро мой портрет вернулся на Доску почета, а Критик после собрания так крепко стал ругаться и критиковать, что его единогласно признали лучшим критиком года.

— Скорее души, нас уже в другом клубе ждут!

Рисунок Б. САВКОВА.

Герберт КЕМОКЛИДЗЕ

Встречная симфония Гайдна

Рассказ

Назначили меня как-то раз директором филармонии. Выхожу я с утра на работу, приглашаю к себе дирижера симфонического оркестра.

— Чем собираетесь сегодня вечерком порадовать нашего взыскательного зрителя?

— Сегодня,— радостно отвечает он,— будет исполняться прощальная симфония Гайдна.

— Это кто же такой? — спрашиваю я.— Классик или кто-нибудь из местных?

— Австрийский композитор восемнадцатого века,— сообщает дирижер.

— Классика — это хорошо,— соглашаюсь я.— Но и местные силы надо привлекать.

— Мы бы с удовольствием, только вот у нас в городе никто симфоний не пишет.

— Ну что же,— говорю я,— значит, надо проехать по области, поискать таланты на селе. Уж, наверное, кое-где в деревнях найдутся самородки, пишущие симфонии в свободное от работы время. Но об этом после. Расскажите мне вкратце содержание сегодняшнй симфонии.

Дирижер тут становится в позу и заявляет:

— Музыку нельзя передать словами. Могу только сказать, что произведение это элегического плана.

— Мрачное, что ли? — спрашиваю я.— Ну так прямо по-русски и скажите. Элегического плана! Можно было подобрать вещичку и пободрее. Музыка должна звать к трудовым успехам, а не наводить тоску.

— Мы взяли это произведение потому, что оно интересное и оригинальное,— говорит дирижер.

— В чем же его оригинальность?

— Хотя бы в том, что музыканты играют на сцене при свечах.

— При свечах — это, с одной стороны, хорошо,— соглашаюсь я.— Экономия электроэнергии. Но зато опасно в пожарном отношении.

— Симфония задумана именно так,— упорствует дирижер.— Перед каждым музыкантом стоит свеча. Закончив свою партию, музыкант гасит свечу и уходит, а остальные продолжают играть. В конце концов остается один-единственный музыкант. Когда он гасит свою свечу, концерт окончен.

Я так и оторопел.

— Это что же получается? Приходят на работу вместе, а кончают в разное время? Да так каждый будет стараться отыграть побыстрее и сбежать. А другие за него отдувайся? У меня такая штука не пройдет! Я уже пострадал на подобном. Когда я работал заведующим фермой, у меня тоже постепенно осталась одна корова. Потому меня в виде наказания и перевели к вам. Так что я ученый. Приказываю: музыканты должны играть от звонка до звонка.

— Грустно все это,— вздыхает дирижер.

— Грустно не это,— возражаю я.— Грустно то, что ваша симфония называется прощальной. А почему ее, кстати, не назвать встречной симфонией? Очень современное название! По всей стране люди берут встречные планы. Так что прозвучит в унисон.

— Как это встречная? — снова упирается дирижер.— По замыслу автора музыканты поочередно покидают сцену. Стало быть, прощаются. Кроме того, зачем профессионалам сидеть на местах сложа руки? Я категорически против непроизводительных затрат времени.

— В ваших словах что-то есть,— говорю я.— Давайте тогда сделаем так. Начнем симфонию с конца. Сначала на сцену поднимется один музыкант, зажгет свечку и сядет играть. Потом по одному будут подходить другие — в зависимости от зарплаты. Ну, а в конце весь оркестр грянет что-нибудь бодрое.

Конечно, как выяснилось позже, в работе руководимой мною филармонии были и существенные недостатки. Но зато именно у нас была впервые исполнена «Встречная симфония» Гайдна.

г. Ярославль.

Юрий БЛАГОВ

«ЧИТАТЕЛЬ»

Сегодня в 9.35
Во мне проснулась совесть.
Довольно лодыря гонять,
Засяду-ка за повесть!
Я книжку эту, всю как есть,
Прочту, не встав со стула...
. . . .
Но совесть в 9.36
Опять во мне заснула.

Ироническое письмо

И ДЕЛО В ШЛЯПЕ!

Уважаемая редакция, нельзя ли учредить в «Крокодиле» страничку, подобную той, что существует в журнале «Наука и жизнь» под названием «Маленькие хитрости»? Уверен: найдутся читатели с хитринкой, готовые поделиться своими полезными открытиями с другими.

Начну с себя, испросив предварительно извинения за нескромность. Пришел я как-то недавно в парикмахерскую, что на Краснопутиловской улице, 121, и, заняв очередь в мужской зал, направился к гардеробу. Поздоровавшись с немолодой строгой служительницей, находившейся за барьером, и не услышав в ответ ни слова, я протянул ей шляпу.

— Повесьте, пожалуйста,— сказал я.

— Без пальто не принимаем,— ответила гардеробщица довольно сухо.

— Почему?

— А вдруг вы по номерку потребуете с меня и шубу-дубленку...

— Тогда повесьте без номерка.

— Не положено!

— А как же мне быть?

— Это нас не касается.

— Кто же установил такой странный порядок? — спросил я.

— Мы работаем от артели «Трудпром»,— последовал ответ.

Итак, я оказался в кресле мастера со шляпой в руках. Вертел ее, не зная, куда деть. А потом придумал: положив ногу на ногу, я воздрузил свой головной убор на кончик ботинка. Прекрасно! Как это я сразу-то не догадался?

Считая, что я сделал немаловажное открытие, спешу поделиться им с теми, кто посещает не только парикмахерскую на Краснопутиловской улице, но и ей подобные. И надеюсь, что мою «маленькую хитрость» оценят по достоинству.

Б. СЕМЕНОВ,
г. Ленинград.

ЗАГАДОЧНЫЕ КАРТИНКИ

Вот диалог, который можно услышать в тресте «Курскрудстрой»:

— Ишь, какие симпатичные этикеточки. Ну-ка, что тут изобразил неизвестный художник? Ба, вино «Золотая осень»! Подходяще.

— А у меня солянка овощная из свежей капусты. Так сказать, закусон. И кто эти аппетитные штучки шлепает? Гм, Железногорская фабрика гофротары...

— А зачем, собственно, нам такие этикеточные блоки? Разве что в качестве обоев? Только ведь ежели их по стенам расклеить, будет уже не работа, а сплошное искушение...

— Да полно вам фантазировать. Оборотная сторона-то чистая. Режь, братцы, блоки на стандартные листы — будем на них деловые бумажки писать...

В чем тут, вы спросите, дело? Да просто в том, что ради похвальной борьбы за экономию тресту перестали выделять писчую бумагу. И тогда сами трестовские хозяйственники каким-то образом раздобыли рулоны товарных наклеек для бутылочно-баночной тары.

Как известно из закона сохранения вещества, если где-то чего-то прибудет, то в другом месте это на столько же уменьшится. А между тем на фабрике клятвенно уверяют, что бумага здесь расходуется строго по назначению и никаких потерь и недостач не бывает.

В общем, загадочные картинки!

Б. БОНДАРЕНКО,
г. Курск.

— Ну и тип попался — полгода требовал, чтобы брюки почистили, а теперь ходит, клянчит, чтобы мы их разыскали.

Рисунок
М. СКОБЕЛЕВА.

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент Крокодила

— Вот! — как клинок из ножен, выхватил фото товарищ Сысоев.— Видите, это первый маршал страны, а по команде «Ряды — вздвой!» через одного военного от него стою я. Всего через одного, прошу заметить, тогда как они...

И крылась за этим горечь, что нынешние неприятели Сысоева упорно не хотят замечать, насколько впритык к первому маршалу стоит на старом фото Сысоев, и шпыняют Сысоева так, будто не через одного, а через семь человек стоит он от военачальника.

— Ветеран,— аттестовал себя Владимир Сергеевич,— с начальственным сорокалетним опытом, параллельно — писатель-остросюжетник, а они... Кстати, кляуза на меня, адресованная в «Крокодил»,— юбилейная, сто пятидесятая.

— Вот про вашу остросюжетную книгу и говорилось в письме, что ее издание стало возможно только ввиду предоставления вами казенных досок для выправления дачи некоему пермскому издательскому работнику. А?

— Это мое прошлое, я его отметаю,— сказал Сысоев и даже сделал рукой решительный отгребающий жест за спину.— Какое отношение я прошлый имею к себе нынешнему?

— Бывает такой недоразрыв с прошлым,— осторожно сказал ваш корреспондент.— Некоторое недоизжитие прежних методов и ухваток.

— Это с кем-нибудь еще происходит,— сурово сказал нынешний глава Пермского областного совета Всероссийского добровольного пожарного общества.— А я изжил в себе все, на что мне было строго указано в прошлом. Как есть обновился и произвожу теперь чистку пожарных рядов. И поэтому область занимает всесоюзные призовые места!

Кто-нибудь убоялся бы такой черновой работы, не вступил в схватку с лиходеями из добровольной пожарной среды, но Сысоев, вызывая огонь на себя, вступил. При этом выявив, что на (в общем здоровом!) теле областного общества угнездились не только шелушения и загнивания, но и парша.

* * *

Для регистрации сдвигов и посетил ваш корреспондент центральную усадьбу добровольных пожарных. Несколько страшных пещерок открывались тут взору в цокольном этаже. В одну из пещерок, укрепив на загорбке куль с кислотой, проникала гражданка. Застряв в косом проеме дверей, она дружелюбно справилась:

— Чего шляешься по двору? Ежели заправить огнетушители, так давай без квитанциев, без волокиты, только глубже в кармане пошарь.

Здесь подумал ваш корреспондент о надобности тщательно одеваться для командировок, чтобы не принимали его за желающего левым порядком, за живую копеечку зарядить огнетушитель или пропитать огнестойким составом занавес клубной сцены.

И, для официоза наглухо застегнувшись, поднялся ваш корреспондент на второй этаж очищенного от загнивания и парши учреждения, где сразу словил его за пуговицу некто строгий.

— Кто будете? — спросил строгий, тщательно выщупывая рукой в окружающем воздухе молекулу кислорода, прочную настолько, чтобы на нее опереться. При ближайшем рассмотрении оказалось, что строгий феерически пьян.

— Промолчали, кто будете! — бдительно повторил строгий.

— Петя, Митин брат,— назвал себя и организацию ваш корреспондент.

— Тогда другое дело,— помягчал строгий.— Главное — без ддеммаггоггии! Ушаков Сан Палыч, ответственный секретарь и член президиума, главинспектор по кадрам. Прошу следовать!

И, пройдя в свой кабинет, член президиума немедля его поджег, бросив спичку в корзину с бумагами.

Ах, из погони за сенсацией не следовало бы кричать:

— Ушаков, вы полыхаете!

И уничтожилось бы огнем Пермское отделение ВДПО, и как вкусно было бы живописать эту картину!

Но вылетел крик, и Ушаков из графина для заседаний залил полыхающую корзину, где немедля и гулко лопнули три бутылки свежеоткушанного членом президиума портвейна «Агдам».

Здесь на крики и вонь заглянула в кабинет заместитель председателя областного совета Л. Милашевич. Которая, не потеряв лица, сообщила, что в общем и целом нет ничего тревожного в действиях коллеги Ушакова, а просто с утра был областной пленум, и напряжение пленума вылилось у ответственного секретаря в данную форму усталости. А вообще же на фоне занятия областными борцами с огнем призовых всесоюзных мест происшествие это — безделица.

* * *

Да какие же, позвольте, могут быть призовые места при таком обстоянии дел? И неужели здоровые силы внутри пожарного общества не слали иерихонских сигналов в инстанции?

Ой, слали. И честнейшие люди отряжались на проверку удивительного областного совета, как-то:

Н. Фистин, корреспондент областной газеты «Звезда».

К. Василевский, завкадрами Центрального совета ВДПО, Москва.

Инспектор облсовпрофа В. Сухоплюев.

И заставали они ответственного работника областного общества С. Малых спящим, прикипевшего пущенными изо рта слюнями к столу. И такая же напортвейненная заведующая центральными складами общества А. Ставрова скребла пятерней телефон, чтобы вызвать вытрезвительскую машину, но сколь пьяный, столь и дальновидный в своих действиях механик без трудовой книжки П. Зинин ее пальцы из дырок телефонного диска вытаскивал.

Ах, чего только не установили проверки!

Значилось тут, что и был-то в обществе всего один пожарный автомобиль, роднящий общество с пожарной службой. Но и этот автомобиль, вопреки всем запретам к обмену и переоснастке, обменял Сысоев с какими-то связистами на заезженную персоналку.

И нету, установили проверки, такого вида мухлежа и присвоительства денежных средств, которых не проворачивало бы руководство обществом. Вплоть до того, что берется гражданка завхозом на полный оклад, а на поверку оказывается, что вообще она живет в другой области.

А что касается неугодных и критиков: главного бухгалтера Сальниковой, председателя месткома Дербеневой, председателя товарищеского суда Гоголевой — то вполне преступными и подсудными методами выбросил или довыбрасывает их с работы Сысоев.

«Поэтому в экстренном порядке...» — писали честные проверяющие.

* * *

Но одни ли проверяющие обучены нынче грамоте? Нет, граждане, сегодня всеобщая грамотность. И брандспойтное давление чернил развилось в авторучках Сысоева, Малых, отклеившего голову от стола, Милашевич и присных их инженеров Чеуриной, Козюковой.

Первые страшные удары нанесены были корреспонденту Н. Фистину.

Кристальный Николай Иванович Фистин! На все размеры орехов, от кокосовых до кедровых, досталось Фистину по милости добровольных пожарных. Фистин-то по заданию газеты вникал уже в вопросы охраны природы, а тем временем, ужасаясь, редактор газеты «Звезда» читал письмо про него. Значилось тут, что под личиной добропорядочного Фистина скрывается просто башибузук, дружок ранее изгнанного из пожарных рядов инженера Углина. Притом конкретно указывалось, что Фистин и Углин живут на одной площадке. А Углин — неразливанный дружок также изгнанного из общества Голубина. А Голубин — «грязный, закоренелый развратник, насквозь проникнутый ложью, шантажист, клеветник, сутяга»...

И едва отозванный из-под сени лесов Н. Фистин доказал, что не соседствует он по площадке ни с каким Углиным,— пришли еще письма. Здесь назывался корреспондент «членом подрывной группы», «собутыльником», чьи зловредные выводы по обществу «заверены методом выпил-закусил». И дальше без всяких экивоков крыли ответственные работники общества Федоров и Малых: «Просим отозвать от нас корреспондента Фистина. Письмо, по которому он проверяет, состряпано им самим. Мания величия, наглость, предвзятость, непоследовательность, граничащая с недомыслием, неуважение к людям — вот далеко не полный перечень приемов, применяемых Фистиным»...

И сказали в газете умудренные жизнью люди:

— Круто написано. Обвинения страшные. А правовые знания у людей теперь высоки. Наверняка знают Федоров и Малых, что, не подтвердись хоть в какой-то части их обвинения, ответственность вплоть до тяжкой уголовной может настичь их. Но уж если так уверенно, так безбоязненно пишут — значит, имеют факты.

И изыскания корреспондента Фистина по пожарным делам прикрыли.

— Знаешь,— сказали Николаю Ивановичу,— пиши ты про лес, про его обитателей и травостои. От пихт и козлов, даже от росомахи, на что уж подлое животное, письма на тебя не придут.

* * *

А тем временем инспектор облсовпрофа Сухоплюев осмелился сделать письменный вывод, что со стороны Сысоева «прослеживалось желание выжить» председателя месткома Дербеневу.

Сразу грянуло в облсовпроф письмо с требованием отозвать предвзятого Сухоплюева.

И устранился от дальнейших копаний инспектор.

* * *

А посланец Центрального совета ВДПО К. Василевский?

— Вы намерены защищать Дербеневу,— сказала посланцу Л. Милашевич,— которая от наших-де притеснений на долгий срок слегла в московские клиники? Так вот: Дербенева — штучка. Она надула вас и в вашем лице — Центральный совет. Она ни в какой ни в Москве, никаким недугом не сражена. Я только что обследовала грядки на дачном ее огороде. При тыкании пальцем ясно: грядки новоувлажнены. Значит, симулянтка в Перми!

— Это. ужасно! — простонал К. Василевский.— Вы ужасны. Что за методы сыска и слежки?

И бросился на междугородный телефонный узел посланец, где немедленно подтвердилось, что бывшая председатель месткома в тяжелейшем состоянии госпитализирована одной из московских клиник.

— Товарищи,— задыхаясь от гнева, молвил в Пермском совете посланец,— ваши порочные методы наветов, очернения и голословщины...

Но уже и на посланца полетело в Москву письмо. С требованием его отозвать как вступившего в сговор с темными силами.

* * *

А что же ваш корреспондент?

Робко позволил он себе заметить главе пермских добровольных пожарных, что, наверное, глава недоизжил в себе, недовыполол, недовыжег то, за что был смещен с прежней должности. И, как видно, от прежних времен, когда прежний Сысоев содержал домработницу за счет своего учреждения, когда на запретной территории учреждения и по символической чисто цене построил четыре гаража влиятельнейшим в городе лицам, сам став среди них пятым, когда изношенную мебель свою по смачной цене через комиссионку втюрил учреждению, во главе которого состоял, когда ударил по рукам с издательским работником (мне — книгу, вам — пиловочник и шпунт обрезной),— от тех времен мостик перекинулся в нынешние времена.

И еще спросил ваш корреспондент В. Сысоева: а что, очищаются ли уже ацидофилином и ряженкой преданные вам Малых и Зинин, чтобы в ударный недельный срок изжить дрожание рук и, раззудив их, четко подписать на А. Моралевича какое-либо письмо?

На что ответил Сысоев:

— Ну, что вы! Ну, почему непременно они?

Верно: молочнокислые продукты до сих пор не вернули в строй подписантов Зинина и Малых. И раззудилась на письмо в два адреса пока только Г. Козюкова (та, что спешно назначена на место изгнанной Сысоевым, но ныне восстановленной ЦС ВДПО Дербеневой).

Что же пишет наша последовательная лжесвидетельница Галина Федоровна? Незамысловато покуда пишет: «Корреспондент «Крокодила» ночевал у Фистина».

И теперь интересно только одно: спасет ли меня свидетельство пермской гостиницы «Прикамье» о моих ночевках в гостинице?

г. Пермь.

Мих. ГРИГОРЬЕВ

— Пиво есть? Какое?
— «Ячменный колос».
— То, что надо. Жарища стоит такая, а тут пиво прохладное. Фантастика!

ЧЕМ ПИТЬ?

Пока члены сообщества любителей пенного напитка мирно беседуют у пивной бочки, так сказать, с пеной у рта, мы обсудим немаловажный вопрос — чем или из чего пить пиво?

Пробовали пить стаканами. Но оказалось, что это сплошное обливание, проливание, а не питье. Пенистый, бурно брызжущий во все стороны напиток не умещается в тесном стаканово-прокрустовом ложе. Испытывали стеклотару из-под нежинских огурцов, болгарских томатов, венгерского перца и владимирского вишневого варенья. Появились даже пивточки, которые заранее предупреждали в письменной форме: «Сегодня работаем банками». Но баночный бум продержался недолго: разнокалиберная посуда вносила путаницу в расчеты с покупателем, портила вкусовые ощущения — один чувствовал в пиве явный привкус паприки, другому казалось, что он пьет разбавленное пивом приторно-сладкое варенье.

И выяснилось, что наиболее приемлемой посудой при распитии пива является обыкновенная пивная кружка, впервые сработанная из толстого прозрачного стекла, возможно, несколько веков назад. Взяв в руки наполненную игристой влагой кружку, питок поднимает ее до уровня глаз, как бы салютуя труженикам пивоваренной индустрии, и заодно изучает цвет пива, характер его пенного слоя и, любуясь поднимающимися со дна пузырьками, определяет качественные показатели. А потом благоговейно приникает устами к холодноватому краю кружки. Красота и упоение!

Между тем пивная кружка — устойчивый и глубокий дефицит. Вот, в частности, что написала нам группа москвичей, посетившая в жаркие августовские дни одно банное заведение. «Сравнительно небольшая очередь, три полные бочки «Ячменного колоса», проворная продавщица — все это вселяло надежду,— пишут они.— Узким местом была лишь посуда. По кругу ходило всего пять кружек и две двухлитровые банки, принесенные жаждущими. Какой-то неловкий питок уронил одну, да не банку, а кружку, и разбил. Стоимость ее была возмещена, но продавщица возмутилась и заявила:

— В деньги пива не нальешь, а раз не умеете с посудой бережно обращаться, не получите и пива! Подожду тех, кто не колет кружки!

И прекратила торговлю».

Сигналы о нехватке и отсутствии пивных кружек поступают давно. Интересно бы узнать, что об этом думают работники стекольной промышленности?

ГДЕ СТАВИТЬ?

Вторая, может быть, даже более сложная проблема, чем первая: где ставить, размещать, дислоцировать заведения, торгующие пивом? Казалось бы, чего проще: есть свободное место, ставь палатку (бочку) и начинай торговлю. Ан, не тут-то было!

«Уважаемый «Крокодил»! Обращаются к тебе жители домов 3 и 5 по проспекту Чехова в г. Ростове. Помоги нам! Напротив наших домов стоит пивной ларек, работающий с утра до самого вечера. А рядом — керосиновая лавка, рядом больница, за углом — мореходное училище, в домах — жильцы. И люди разного возраста, в том числе и те, что приходят за керосином, вынуждены слушать пьяную ругань. Кроме того, будущие морячки и ходячие больные тоже пьют пиво, скапливаясь во дворе, подальше от глаз начальства. Жить стало невозможно. Просим вас воздействовать на торгующие организации, чтобы ларек перенесли куда-нибудь в другое место».

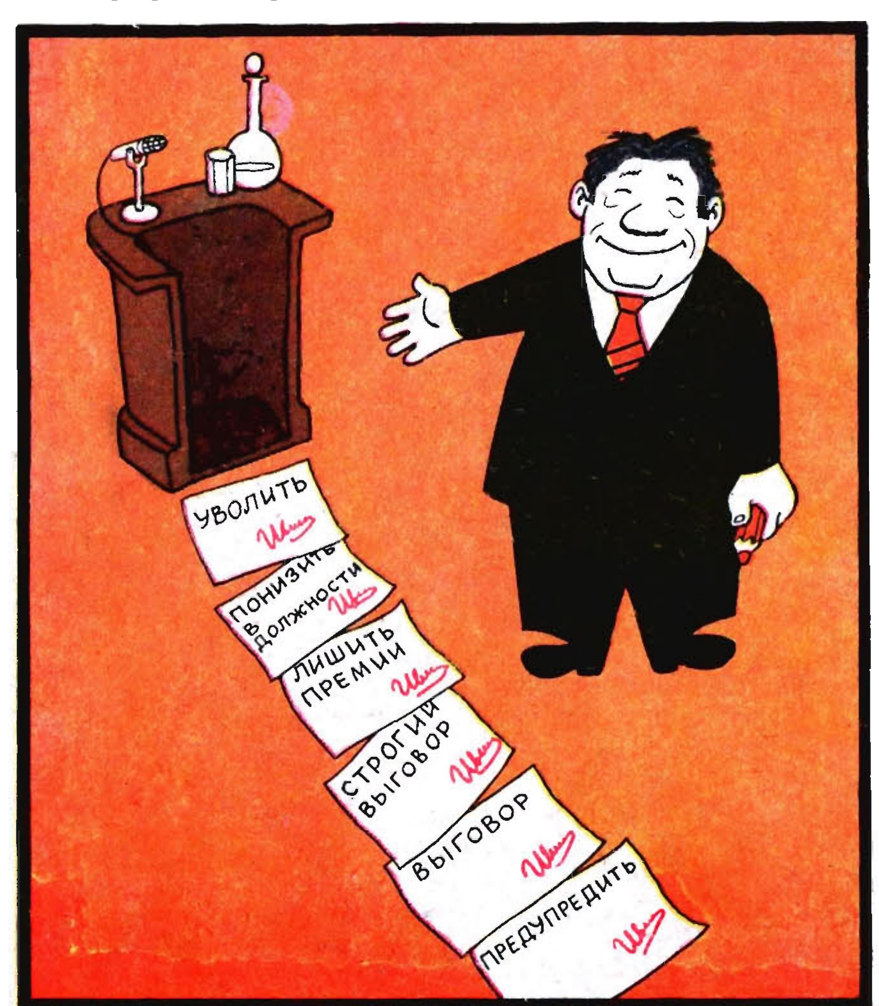
Из областного управления торговли вскоре сообщили, что «ларек по продаже пива по указанному адресу закрыт». Дело как будто сделано. А что же дальше? Остается ждать нового письма, уже от жильцов другого дома, куда перенесли ларек. Ибо, как свидетельствует почта, пивные, пивбары, ларьки и киоски мешают решительно всем. Оказалось, что они создают определенные неудобства расположенной рядом часовой мастерской, библиотеке, пункту по прокату велосипедов, лыж и коньков, поликлинике, аптеке, булочной, магазину «Диета», столовой и, наконец, парикмахерской. Не говоря уже об обитателях двух-, трехэтажных жилых домов, а также домов башенного типа. Но скажите, пожалуйста, можете ли вы назвать такой город или поселок, которые не были бы буквально нашпигованы такого рода заведениями и объектами? Наверное, не сможете. Где же выход?

Может быть, следует создавать в городе или поселке, где-нибудь на окраине, специальные пиврезервации? Но сто́ит только представить себе, как они будут выглядеть, так сразу по коже пробегает мороз... Маячит и другая перспектива: поднять пивзаведения над землей. Наподобие бетонных будок регулировщиков автомобильного движения, только повыше. А на опорном столбе устроить вход и выход: ступеньки для подъема вверх и удобная, покойная люлька для спуска вниз. Здорово может получиться, если, конечно, не допускать нечаянных грехопадений. А такие после неумеренного употребления «Ячменного колоса» или «Жигулевского» случаются...

Есть, конечно, третий выход, но он, как показал летний крокодильский поток писем, наиболее труден. Наши читатели из Куйбышева, Кемерова, Горького и других городов пишут, что если открывать все больше и больше баров, павильонов, ларьков и киосков по продаже пива, то тогда удастся полнее удовлетворить спрос на него и избежать шумных скоплений любителей этого напитка, причиняющих иногда неудобства окружающим горожанам. Не знаем только, как на такой выход из положения смотрят торгующие организации и исполкомы тех населенных пунктов, где продажа пенистого напитка жестко лимитирована.

А БУДЕТ ЛИ ПИВО?

Такой вопрос под занавес задают нам жители того же Кемерова, Феодосии, Владимира и других мест, испытавшие минувшим знойным летом муки пивонедостаточности. Их беспокоит, что известное постановление правительства об увеличении выпуска безалкогольных напитков и пива выполняется недопустимо медленно. Они тревожатся: не окажется ли будущее лето опять знойным, а желанный «Ячменный колос» таким же недосягаемым? Чем можно ответить на эту тревогу, товарищи пивовары?

— У нас для критики дорога открыта!

Рисунок Е. ГУРОВА.

ТРОФЕИ ИЗ ИСТОРИИ

Георгий МОСКВИН

Листки ненайденного дневника

7 сентября. Я пишу эти строки в трезвом уме и здравой памяти, так как чувствую, что все это добром не кончится. Дело в том, что я работаю на фабрике по изготовлению машин времени мастером в цехе сверхточных деталей. Мы уже приступили к серийному выпуску.

Сегодня после работы я зашел к своему напарнику Вите Иванякину. Я постучался, никто не ответил, но дверь была открыта, и я вошел. Из коридора мне показалось, что Витя стоит посреди комнаты. Пройдя в комнату, я понял, что ошибся,— никого не было. Я сел в кресло и вдруг увидел, что из воздуха материализуется мой коллега. В одной руке он держал череп, по-видимому, лошадиный, в другой — дохлую змею. Вид у него был торжествующий, сидел он на ящике, в котором я сразу узнал самодельную модель нашей продукции. Понятно, чем он занимался на бюллетене!

— Череп,— объяснил он, видя мое изумление.— Коня вещего Олега.— И, указав на змею, добавил: — Чуть не укусила, гадина.

— Зачем тебе?!

— Сувенир.— Он говорил небрежно и, как мне показалось, слегка презрительно, точно в моем недоумении было что-то детское и глупое.

Во мне шевельнулось тревожное чувство.

Ночь с 7 на 8 сентября. 2 часа. Я понял, что меня встревожило, и проснулся. Ведь любое изменение в прошлом должно повлиять на настоящее! Я бросился к книжному шкафу. Так и есть: в учебнике по истории не было ни одного упоминания о хазарах, а у Пушкина исчезла «Песнь о вещем Олеге»!

8 сентября. День. Я вспомнил, что в последнее время все сотрудники под разными видами брали у меня детали. Если так, то почти все смастерили себе машины.

Тот же день. Вечер. Меня послали к Фролу Кузьмичу, нашему директору, отнести заказ. Директора дома не было, и мне открыла его жена, похожая на белочку в халате. Квартира у них огромная, а по стенам висят картины — много, и все неизвестные. Директорская жена подвела меня к одной и спросила:

— Нравится вам? Это Мона Лиза.

Лизу я не знал, и картина мне не понравилась. Я боюсь таких женщин. Никогда не знаешь, что у них на уме.

— У нас в основном итальянцы,— гордо заметила директорша.

Пришел директор. Он удивился, что я не знаю Моны Лизы, подошел к картине и в знак восхищения почмокал губами и пощупал что-то пальцами в воздухе.

9 сентября. Я установил, что изменение реальности настоящего происходит через 6—8 часов после хищения в прошлом.

Днем главный инженер, большой лошадник, провел через проходную какого-то холеного жеребца. Вечером я два часа проверял версии, пока не напал на след: из истории пропал Буцефал. Я не стал интересоваться, что случилось в Греции. Страшно.

11 сентября. Все-таки никогда нельзя судить о человеке по внешнему впечатлению. Всю ночь взахлеб читал и не успел закончить роман. А кто написал? Саша Козлов, наш лаборант, с виду парень скользкий, а как оказалось — философ, добрейший человек. И когда он успел? Написать такую громадину, исторический роман! «Война и мир» называется.

13 сентября. У нас всегда несли, но так, как сейчас,— никогда. Мне в окно хорошо видно проходную. Вахтер дядя Вася глаза с утра заливает то старинным «Порто», то еще какой-нибудь исторической бурдой. Вот конструктор Тишкин статую понес. Крупногабаритные вещи они извлекают из прошлого только на фабрике: в домашних условиях большую машину времени смастерить трудно. Скульптура меня заинтересовала. Вечером я нашел предлог и заскочил к Тишкину домой. Значит, он успел жениться и никому не сказал! К тому же, красавица, таких я еще не видел. Зовут ее, правда, странно, Галатея Пигмалионовна. По-простому, Глаша.

20 сентября. Я понял: когда что-нибудь вытаскивают из истории — а тащат в основном вещи важные,— то как бы выбивают опору из-под столба прогресса. Столб, естественно, рушится, и история начинается сначала. Уже, например, стали появляться некоторые исчезнувшие виды животных.

22 сентября. На работе сплошные неприятности: никак машины до ума не доведем. Еще ни одной заказчикам не поставили.

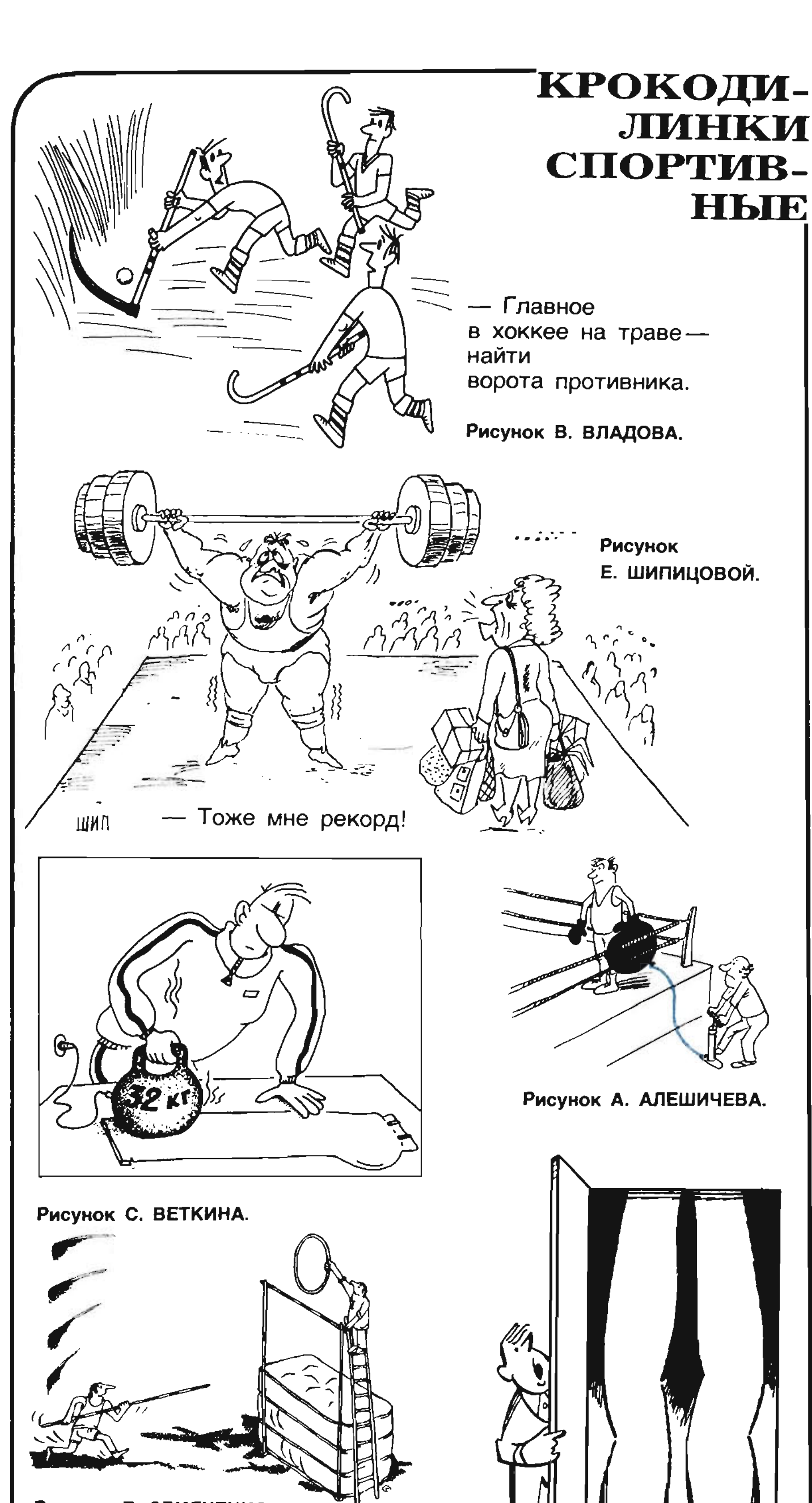
25 сентября. Что наша жизнь? Сегодня ты жив, а завтра тебя проглотит саблезубый тигр, как вчера какую-то гражданку на пещерной площади. По улицам живность шляется, ящеры всякие, утром ко мне в квартиру чуть птеродактиль не залетел, но в стекло ткнулся и полетел обратно. Миллионы лет существуют и никак не выведутся. Хотя понятно: ведь человечество почти не развивалось.

Только что подсмотрел: Мердов, наш неудавшийся доктор, рукописи Эйнштейна потащил. Побегу домой, надо проследить, как это отразится.

25 сентября. 19 часов 43 минуты. Похоже, это конец. Нет Эйнштейна — нет экспериментов со временем. Значит, нет и нашей фабрики. Я посмотрел: из книг уже пропало имя великого физика и его последователей, как корова языком слизнула. Значит, фабрика уже исчезла, значит, исчезну и...

* * *

На этом дневник обрывается. События, изложенные в нем, явно фантастичны. Очевидно, эти записки случайно попали к нам из какого-нибудь антимира.

КРОКОДИЛИНКИ СПОРТИВНЫЕ

— Главное в хоккее на траве — найти ворота противника.

Рисунок В. ВЛАДОВА.

— Тоже мне рекорд!

Рисунок Е. ШИПИЦОВОЙ.

Рисунок С. ВЕТКИНА.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА.

Рисунок Г. СВИДЧЕНКО.

— Баскетбольная секция рядом...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— Лыжню!

Рисунок Е. МИЛУТКИ.

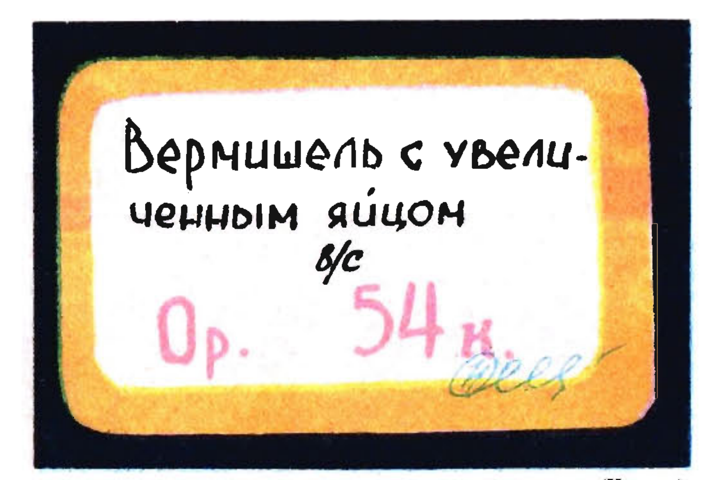

«Сто раз верно, что ничего не стóит так дешево и не ценится так высоко, как доброта. Пусть она бумерангом вернется к тем, кто ее запустил».

(Из книги отзывов и предложений санатория).
Прислал З. Тороян, г. Свердловск.

Прислал С. Александрович, г. Киселевск.

(Ценник).
Прислал А. Попков, г. Макеевка.

МИМОХОДОМ

Автор так долго ждал выхода своеи первои книжки, что она появилась с прологом, эпилогом и некрологом.

Лев САМОЙЛОВ, г. Москва.

Мало найти счастье, надо еще, чтобы оно не оказалось чужим.

Евг. ТАРАСОВ, г. Электросталь.

Обычно мы выбираем дороги, которые выбирают нас.

Д. РУДЫЙ, г. Одесса.

Убаюкивая свою совесть, можно петь и без слов.
Многое можно простить себе, если встать на свое место.

Геннадий МАЛКИН, г. Москва.

Многоточие — раздутый штат точек.

А. КАНАШКИН, г. Кзыл-Орда.

Прежде чем вступить в сделку со своей совестью, убедитесь в ее отсутствии.

Евг. ДВОРЯНЧИКОВ, г. Макеевка.

Звание человека присваивается каждому младенцу в кредит с оплатой в рассрочку на всю жизнь.

Ц. МЕЛАМЕД, г. Рига.

Алексей Карлович МАЛИН

К 70-летию со дня рождения

Из новых стихов юбиляра

СОВРЕМЕННЫЙ МОТИВ

Лисица как-то размечталась всласть:
— Мне в книгу Красную
так хочется попасть!
— Зачем она тебе, плутовке рыжей?
— Не понимаешь, что ли? Для престижа!

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

Барахтаясь в промышленных отходах,
Клял Окунь тех людей, что отравляют воду:
— Весь ядом пропитался я насквозь —
И мясо ядовитое и кость!
О мести лютой я судьбу молю:
Пусть выловят меня —
И я их отравлю!

ЖАЛО НЕ ТРЕБУЕТСЯ

— Пчелиное иметь ты хочешь жало? —
Спросили Муху.
— Я и так сильна!
Вот я про Бабочку такое нажужжала,
Что до сих пор она еще больна!

г. Симферополь.

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

Итак, книга прочитана. Вы улыбнулись... Загрустили... Вздохнули... И, может быть, на горизонте вашего сознания проплыл подобно облачку вопрос: как же это ему, автору, удалось написать такое? КАК?

Закономерный вопрос. Но, уверяю, он не возникнет у вас, когда вы будете читать сборник рассказов Татьяны Слуцкой «Все прекрасно, и точка», только что выпущенный издательством «Советский писатель».

Быть может, вы не улыбнетесь, читая? Улыбнетесь, и не раз,— столько смешных ситуаций в этой книге. Быть может, не загрустите? Да нет, загрустите — жаль вдруг станет наивных и трогательных героев писательницы. А некоторые из них, возможно, покажутся вам знакомыми, и вы будете напрягать память, вспоминая, где встречались с ними.

Я вам скажу, где. На страницах «Крокодила». Именно здесь впервые печатались многие рассказы Татьяны Слуцкой. А один из них — «Еще не вечер» — был удостоен в 1979 году годовой премии журнала.

Ныне рассказ этот замыкает сборник. А открывает его авторское предисловие, благодаря которому вы и не зададите того самого заковыристого вопроса: «КАК?». Не зададите потому, что тут, в предисловии, содержится исчерпывающий ответ на него. «Пишу за письменным столом, если он не занят чертежами мужа; пишу на кухне, если у плиты не топчется мой муж; на тахте, если муж не присох к телевизору; в совмещенной ванной, если там не решает кроссворд мой муж».

Так вот почему столь лаконичны рассказы Т. Слуцкой! Около сотни вместилось в ее первую книгу. Первую, но, будем надеяться, не последнюю. Ибо еще не вечер. Еще только утро...

С добрым утром, Татьяна Григорьевна! Хорошего Вам дня! Просторной кухни! Что же касается совмещенных ванн, то, кажется, от них уже отказались.

Р. КИРЕЕВ.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

●

Турист подошел к бородатому старцу, сидевшему в тени кипариса, и спросил:

— Простите, сеньор, вы прожили в этой деревушке всю свою жизнь?

Старик пожал плечами и ответил:

— Пока еще нет.

●

Декан вызвал к себе студента.

— Послушайте, Смит,— сказал он,— вчера вы были замечены на территории женского общежития. Согласно правилам нашего университета, вы обязаны уплатить штраф в десять долларов. Учтите, что в следующий раз штраф будет пятнадцать долларов, а если попадетесь и третий раз, то двадцать пять.

— Профессор, я ценю ваше время, будем говорить, как деловые люди: сколько стоит абонемент на семестр?

●

— По-моему, случай безнадежный...

«Йа», Испания.

— Апельсины, которые я купила у вас вчера, совершенно невозможно было очистить.

— Допустим, фрекен. Но когда за одну крону покупаешь целых три апельсина, то едва ли следует ожидать, что все они будут снабжены застежкой-«молнией».

●

«Ойленшпигель», ГДР.

Слова, слова...

Если вас ударили по правой щеке, значит, она была ближе, чем левая.

Боксерский фольклор.

Кто я такой, чтобы презирать себя?

Вздох скромного человека.

Наградите осла крыльями, и он потянет не хуже Пегаса.

Ослиная поговорка.

Если что-то не лезет ни в какие ворота, значит, их надо распахнуть пошире.

Из руководства по конструированию ворот в Вавилоне.

Чем больше потеряешь иллюзий, тем легче разбогатеешь.

Руди Миль, австрийский философ.

Иногда незнание закона свидетельствует о его отсутствии.

Фольклор гренландских юристов.

Самые страшные драконы — безголовые.

Из записной книжки Дон Кихота.

●

— Я составил свой капитал на ошибках других людей,— хвастает в баре хорошо одетый господин.

— Вы, должно быть, адвокат?

— Нет, я фабрикант ластиков.

●

Шотландец зашел купить слуховой аппарат. Ему предлагали разные модели, но все было дорого. Наконец продавец сказал:

— Тогда возьмите вот этот. Это обычная картонная коробка, к которой на проволоке привязана пуговица. Пуговицу вы вставляете в ухо, а коробку прячете во внутренний карман.

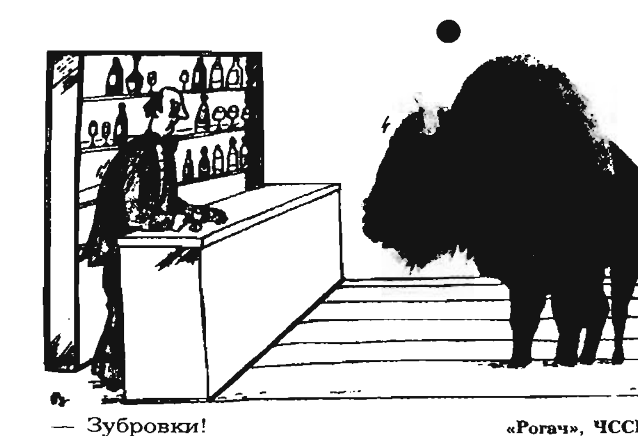
— И я буду лучше слышать?

— Нет, но люди, увидев проволоку, будут говорить громче.

●

— Не рыдайте, все кончится хорошо.

«Рир», Франция.

— Зубровки!

«Рогач», ЧССР.

●

Проезжая через нормандское село, автомобилист обращается к местному жителю:

— Скажите, где бы я здесь мог найти запасные части к машине?

— Вон за тем крутым поворотом, в овраге, их довольно много.

●

На дверях мастерской висит клочок бумаги: «Закрыто. Я ушел. Портной».

Чуть пониже приколота другая записка: «Немного подождите, сейчас я его приведу. Жена портного».

●

— Вода имеет огромное значение в жизни человека,— говорит учитель.— Скажи, Олле, в чем значение воды?

— Если бы не было воды, мы не смогли бы научиться плавать и все утонули бы...

●

Питер КАНИ (Англия)

Утраченная кровать

Что самое главное для здоровья и благополучия человека? Хороший сон. А он, в свою очередь, зависит от кровати. Мы рождаемся в кровати, проводим в ней треть жизни и благополучно отбываем дальше — разве этого мало?

Раньше, до нашего века стандартизации, кровати бывали самые разные: изысканные и простые, железные и золотые, деревянные и из слоновой кости, для ночного сна и для отдыха днем, с орнаментами, русалками или просто императорским гербом. Тогда даже в кошмарном сне нельзя было представить себе этого монстра — диван-кровать, который заполонил нынче все континенты.

У нас в Англии раньше в моде было огромное железное ложе с готическими наконечниками, похожими на тюремный забор. При пробуждении человеку всегда казалось, что он уже брошен в Тауэр до конца своих дней, а это действовало куда эффективнее, чем нынешние писклявые электронные будильники.

На этих сооружениях можно было вытянуться даже в ботфортах и шляпе с перьями. Готические наконечники годились для сушки носков, а в случае нападения соседей кровать помогала надежно забаррикадироваться.

Историки, правда, утверждают, что эти кровати были шумноваты и лязгали при каждом движении спящего, но вспомним о звукоизоляции тех дней. По сравнению с сегодняшней она была абсолютной!

Любой средневековый эсквайр предпочел бы современной многоэтажной коробке лагерь Робин Гуда: хотя и там все слышали всё, зато жизнь в Шервудском лесу у костров была поинтереснее.

Бич нашего века — раскладушка. Если даже удается ее раскрыть до наступления рассвета, заснуть все равно трудно, ибо кажется, что плывешь в море на утлой дощечке.

Увы, совершенно исчезли высокие кровати, а ведь они тоже делали жизнь интереснее: время от времени под ними можно было найти незнакомых и малознакомых людей.

А деградация матрацев? В старину в них прятали золотые экю, гульдены — господи, чего только в них не прятали! А теперь? Попробуй засунуть даже пенс в поролон. Вряд ли удастся.

Кровать с электроподогревом представляет, на мой взгляд, модификацию электрического стула, что не слишком способствует спокойному сну.

А новейший тип кровати, складывающейся на день и уползающей в стенку? Всегда есть опасность включить механизм, когда жена еще не встала, или — еще хуже — возвратив вечером кровать из стены, обнаружить на ней спящего соседа.

Мой друг нашел в шотландской пещере старую железную кровать и провел на ней свой отпуск. Когда он вернулся в Лондон, он вызывал возмущение всех, кто поднимался или опускался с ним в лифте. Соседи утверждали, что он толкается. Он сначала никак не мог понять, в чем дело, а потом вдруг его осенило: просто он привык свободно дышать!

Перевела Ф. ПОДБЕРЕЗСКАЯ.

КРОКОДИЛ
№ 32 (2402)
ноябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП, БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14

Телефоны:
250-10-86, 212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 года

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, М. Вайсборд, С. Веткин, В. Владов, Е. Гуров, Н. Лисогорский, Е. Милутка, В. Мохов, А. Панасенко (г. Белгород), А. Помазков, Г. Свидченко, В. Тильман, Е. Шипицова.

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

Сдано в набор 12.10.82. Подписано к печати 19.10.82. А 01169. Формат бумаги 70×108 1/8. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Усл.-кр. отт. 11,20. Тираж 5560000 экз. (2-й завод 3409695—3859939). Изд. № 2557. Заказ 05312.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва А-137, ул. Правды, 24. Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна», г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Цена номера 30 коп. Индекс 70448.

СТЕРВЯТНИК В ПАВЛИНЬИХ ПЕРЬЯХ

Рисунок М. АБРАМОВА.